

Антон Емельянов и Сергей Савинов

Крылатая война. 1915

Книга вторая

Антон Емельянов
Сергей Савинов
Крылатая война. 1915. Книга 2

<https://litres.ru/74220232>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я всегда мечтал летать. На МиГе как дед, на «Сушке» как отец – не важно! Но не сложилось в этой жизни, а потом...

Я все-таки стал пилотом, только на Первой Мировой. Деревянные самолеты, крутые очки, кожаные куртки и пока еще еле заметный запах гнили, что начал накрывать армию. Два года до поражения, два года до Революции – прожить бы их, но мысли нет-нет, а забегают вперед.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	52
Глава 5	67
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Сергей Савинов

Крылатая война.

1915. Книга 2

Глава 1

Я лечу. Дирижабль тоже летит. Но есть нюанс.

Бензиновая граната, сброшенная во время ухода в сторону, попала в цель. Пламя расплескалось в стороны, сжирая обшивку, добираясь до спрятанного внутри «Цеппелина» водорода, и... Добралось! Вырвавшийся наружу газ столкнулся с открытым огнем, и то, чего я бы не смог добиться и десятком очередей из пулемета, случилось. Огромная двухсотметровая махина вспыхнула словно спичка. Огонь разнесся по дирижаблю за считанные мгновения, пожирая оболочку, стирая в пыль гондолу и всех, кому не повезло оказаться там в этот момент.

Я бы их, может, даже и пожалел, если бы не горящий внизу город, а еще... Мне было просто не до того. Взрывная волна, цунами из обжигающих и ледяных потоков воздуха, летящих навстречу друг другу. В небе словно шторм начался, и, окажись я хоть на пару метров ближе к его эпицентру, «Моран» вряд ли бы выдержал.

– Повезло, что тихая атака не удалась, – прошептал я и растер лицо, которое все не могло решить, то ли мерзнуть, то ли страдать из-за долетевшего до нас жара.

Я ведь сначала хотел подлететь с выключенным двигателем поближе, сбросить бомбу с минимальной высоты, чтобы наверняка, и тогда – без скорости, почти в эпицентре взрыва – я бы точно сгорел вместе с дирижаблем. Вот что значит «нет опыта». А так хоть и пришлось понервничать под пулеметами, но я бросил бомбу пораньше и улетать начал поскорее. В общем, все к лучшему... Только успел об этом подумать, и воздух в считанных метрах от меня прошла еще одна пулеметная очередь.

Кто? Я закрутил головой и лишь благодаря вспышкам выстрелов смог разглядеть врага. Подсвеченные догорающим «Цеппелином» два других дирижабля уходили на запад, а прямо над ними навстречу мне летела двойка «Фоккеров». Один, правда, отвернул и начал стрелять чуть левее – я скосил взгляд, и там оказался еще один наш самолет. Его пилот взлетел немногим позже меня и вот – тоже попал под облаву. Увы, я ему сейчас ничем не помогу. Мой собственный противник клал пули все ближе и ближе к «Морану».

И ведь как точно работает! Я попробовал немного поиграть крыльями, надеясь заставить его потерять скорость и уйти с прямой, но немец словно не обратил на это совершенно никакого внимания. Еще и шел с высоты на ускорении – идеально для него и максимально неудобно для меня. При-

шлось рисковать! Я потянул РУС влево, ускоряясь в повороте. На пару секунд подставил пузо под выстрелы, но повезло... Дальше можно было начинать играть в виражи, как это было на прошлом вылете.

Я даже немного успокоился. Да, «Пуля» тоже не самый маневренный самолет, но с предкрылками мы точно обста-вим этот «Фоккер». Пусть опыта у меня немного, но я знал, на что способен сам и на что способен враг. Вот только... Я крутил петли, а немец даже не думал теряться. Наоборот, даже еще больше сократил дистанцию, и следующая очередь прошла уже прямо через левое крыло! Этот гад оказался не хуже Казакова! Прилип, и что бы я ни делал, никак не полу-чалось его сбросить.

Вниз?

Первое решение и самое глупое. До поверхности слишком далеко, чтобы заставить «Фоккер» сбросить скорость, а без этого он этот разгон использует гораздо лучше меня.

Виражи?

Они уже не раз помогали мне ранее, но сейчас... Надо честно признать: этот враг просто летает лучше меня. И не важно, мозг у него заточен считывать чужие маневры, руки отлиты из золота или же все вместе.

Что еще остается?

Очевидных ответов больше не было. Из неочевидных... Подбитый мной «Цеппелин» прогорел до конца, и редкие облака, медленно опустившиеся прямо на нас, начали скра-

дывать видимость. Увы, недостаточно, чтобы я смог спрятаться. И что даже хуже: если я не хочу потеряться в облаках и сорваться в штопор, мне нужно править ниже... Самому идти в ловушку первого варианта. Или...

Идея пришла вместе с треском очередной пули, пробившей фюзеляж в считанных сантиметрах от меня. Повезло, ничего важного не зацепила – я поднял руку, и вместе с ней в воздухе пролетели несколько капель крови. Или зацепила... К счастью, всего лишь меня! Я закричал, придавая себе сил, и резко, насколько позволяла набранная скорость, потянул РУС на себя. Враг, природа, обезьяньи инстинкты – все тянуло меня вниз. А я полечу наверх!

В облака, где серые сумерки вечернего неба сменяются полной тьмой, где за пару секунд теряется ощущения верха и низа, где самолет постоянно швыряют воздушные потоки, где нельзя полагаться ни на одно из привычных для рожденного на земле человека чувств. Каждый пилот в это время знает: полет в облаках – это смерть. Я тоже знаю, но у меня нет выбора. А еще у меня есть идея! Немного наивная, немного безумная, но именно такие в подобные моменты и могут сработать!

Вячеслав Матвеевич Ткачев мог только скрипеть зубами, глядя в небо.

Так близко и в то же время так далеко. Срочный вызов в ставку 10-й армии, задержавшийся в Гродно поезд, и вот

он оказался на месте, когда ничего уже было не изменить. Дирижабли германцев скинули бомбы и, словно издеваясь, неторопливо уплывали обратно на запад. Возможно, именно с такой бессильной злостью смотрели дикари Африки и Азии на европейские канонерки, что подходили к их столицам и диктовали волю великих держав.

Неужели Россия перестала быть одной из них?..

Мысль, которую есаул пытался гнать от себя все это ужасное лето, вырвалась на волю, и на мгновение все, что было важно еще недавно, превратилось в тлен. А потом небо вспыхнуло. Крошечный огонь, в свете которого маленький аэроплан провел невероятный маневр. На огромной высоте было сложно, почти невозможно хоть что-то рассмотреть, но Ткачев настолько хорошо знал механику подобных атак, что ему хватало и мельчайших деталей, чтобы додумать остальное.

Вот атакующий «Моран» дернулся, запустив двигатель после долгой паузы. Обычный взрыв, когда масло и бензин, скопившиеся в цилиндрах, вспыхивают разом. В такие моменты даже опытным пилотам непросто удержать курс, зато... Едкое черное облако на доли мгновения окутывает аэроплан, скрывая его от взора вражеских стрелков. Если суметь поймать этот миг и вовремя повернуть, то можно еще больше обмануть их и сбежать из прицелов. Незнакомый пилот сумел.

Ткачев, несмотря на всю сложность ситуации, даже улыб-

нулся. А потом улыбка и вовсе растянулась до ушей, когда следующая огненная граната накрыла «Цеппелин», и огромная двухсотметровая махина мгновенно превратилась в сгусток пламени. Не просто махина, не просто убийца, забравший сегодня немало жизней, но и... Семьсот тысяч золотых марок, по курсу примерно триста пятьдесят тысяч рублей, годовой бюджет пары авиаотрядов. Хорошее завершение...

– Смотрите, они нашего подбили! – рядом кричал кто-то из беженцев, на время забывших про свои беды.

– Горит! Как есть горит! – еще один вскинул руку, и Ткачев, проследив за ней, увидел, как навстречу дирижаблям и беззащитным русским летчикам летят «Фоккеры».

Германцы открыли огонь чуть ли не с максимально возможной дистанции, и эти нервы были на руку защитникам города. Взорвавшийся дирижабль «Моран» сумел уйти в сторону, а вот еще одной «Пуле», только-только поднявшейся с аэродрома, не повезло. Да и не было у нее шансов: при такой разнице в высоте неудивительно, что ее так быстро подловили. Еще и попали крайне неудачно: сразу в двигатель, закашлявший черным дымом, и теперь только чудо помогало еще одному летчику держаться в воздухе.

Или нет? Ткачев вспомнил, как они обсуждали одну придумку с Казаковым, и сейчас уж больно ловко летел этот подбитый самолет. Один из «Фоккеров» тоже так подумал и сменил курс, чтобы догнать и добить его. Ткачев затаил дыхание. Десять секунд, двадцать. «Фоккер» загонял «Моран»,

еще немного и следующая очередь уже точно отправит его на землю, но... Тут заработали выжидавшие все это время зенитные орудия.

– Сумел чертяка! Сумел! – Ткачев аж в ладоши хлопнул.

«Фоккер» попал сразу между двух разрывов и, неуклюже махнув сломанными крыльями словно птица, камнем полетел к земле. А его враг, еще мгновение назад дымивший, как пошедший вразнос угольный котел, ловко развернулся и снова принялся карабкаться вверх. Издалека это было не разглядеть даже Ткачеву, но он знал, что где-то там сейчас летит к земле отработавшая свое дымовая шапка.

А как там первый «Моран»? Взгляд есаула заметался по небесам в поисках другого аэроплана. И его не было!

– Где он? – крикнул он, не желая верить, что такой герой уже погиб.

– В облаках! – замерший рядом солдат поднял руку, одновременно указывая в небеса и изо всех сжимая кулак.

Ткачев неожиданно понял, что вся площадь замерла, пытаясь понять, что же будет дальше. Они еще надеялись, а вот Вячеслав Матвеевич знал, что все уже кончено... Облака – это смерть. В девяти случаях из десяти ты теряешься сначала сам, потом теряешь угол атаки, воздух срывается с крыла и все. Единственный шанс, если человек со стальными нервами, это нырнуть и вынырнуть. Быстро, резко, почти по прямой, чтобы не дать темноте себя обмануть.

Вот только «Фоккер» оказался слишком хорош: он за-

драл нос, набирая высоту и замедляясь, чтобы перехватить русского пилота, даже если тому повезет... Хитрый, умный, очень опасный враг, который решил прикончить убийцу дирижабля во что бы то ни стало. И прикончит! Ткачев прокручивал в голове сотни вариантов, что можно было бы попытаться сделать, и не видел выхода.

А потом небо снова вспыхнуло. Огненный след, словно кисть неряшливого художника, прочертила облака изнутри.

– Взорвался!

– Взорвался братец!

В толпе раздались тревожные крики, но сердце Ткачева, наоборот, забилось быстрее. Вот же он, выход! Почему-то вспомнился Крылов с его любовью к формулам, физике и математике. Он бы обязательно вспомнил что-то подходящее: мол, неважно, что человеку непонятно, где верх и где низ, бомба плевать хотела на это незнание. Небольшой стартовый импульс от руки человека, от скорости самолета, но потом она все равно полетит к земле. И если ее поджечь, то даже в хаосе облаков можно будет сориентироваться.

Ткачев затаил дыхание.

Пилот «Фоккера» тоже все понял, ускорился, но теперь исход боя зависел не от него.

Мгновение, еще одно, а потом в сотне метров левее, там, где его совершенно никто не ждал, из плотной облачной завесы вырвался «Моран». Фактически за спиной у своего врага... Если бы у них уже были на вооружении пулеметы, то

все и вовсе могло закончиться разгромом. Но так тоже вышло неплохо. «Моран», словно издеваясь, дал широкий круг и начал медленно спускаться в сторону аэродрома.

Вторая «Пуля», осознав, что дирижабли, увы, уже не догнать, легла на крыло за ним следом. «Фоккеры» дали несколько бессильных очередей им вслед, а потом тоже развернулись. Только в свою сторону. Бой закончился. Ткачев обвел взглядом подсвеченный пожарами Вильно. Немцы устроили панику, сожгли им немало припасов, но они зато подбили дирижабль и аэроплан. Если это была и не победа, то точно ничья.

– Ура!

– Победа!

– Драпают гады!

– Не защитил их крест!

– Какие же наши пилоты молодцы!

Люди на вокзале и площади в отличие от Ткачева даже не думали сомневаться. Враг понес потери и бежал, поле боя осталось за русскими аэропланами, а значит, они точно победили, и эта победа придавала смысл всем остальным потерям. Потери... Ткачев тряхнул головой, сосредотачиваясь на главном. Пожары-то еще продолжались, сотням людей наверняка была нужна медицинская помощь, а рядом, как назло, не было никого, кто был бы готов отдавать приказы.

Что ж, тогда у него не было выбора.

– Вы! – есаул быстрым шагом подошел к замершему на

краю платформы патрулю. – Мне нужна будет ваша помощь!

– Ваше высокоблагородие, что прикажете? – незнакомый ефрейтор мог бы и отказать чужому офицеру, но он тоже хотел помочь.

– Нужно организовать добровольцев, – план в голове Ткачева начал складываться, как это бывало при подготовке вылета. – И срочно найдите мне начальника станции или коменданта, нам потребуются носилки, лекарства, лопаты и прочий инвентарь из его припасов.

– Герман Кириллович сейчас на приеме в городе...

– Тогда ломайте замки, – после увиденного в небе Ткачев даже не думал сомневаться. – Поможем людям, а я, если что, отвечу.

– Есть...

Солдаты вытянулись, и дело медленно, но верно закипело.

Щурюсь, веду самолет к земле, думаю... Где примерно находится аэродром, я помнил, но вот как именно я буду в темноте искать взлетную полосу и посадить самолет – я что-то заранее совсем не подумал. Сколько кругов придется сделать, пока все разгляжу? А как в этом тягучем сумраке рассчитать высоту? Или еще вопрос: а были ли рядом какие-то церкви или башни? И ведь если бы своим ходом добирался до аэродрома, точно бы запомнил, а на машине, как ехал – почти ничего и не видел.

Неожиданно внизу начали вспыхивать желто-красные

точки. Через мгновение пришло осознание – костры. Их зажгли на аэродроме, чтобы подсветить взлетную полосу. И она оказалась почти на километр левее, чем я ожидал. Поправил траекторию, на это ушла пара минут, и за это время к прямой линии добавилась еще и горизонтальная черта. Этакая буква «Г» с отсечкой, за которой можно касаться земли.

Даже так посадить самолет было непросто, но теперь я не сомневался, что справлюсь. Я зашел на взлетную полосу, зажал прерыватель. Пока есть шанс, что придется идти на второй круг – только так. От пламени костров казалось, что воздух дрожит, но в то же время граница между светом и тьмой тоже помогала ориентироваться... Справа мелькнули искры, и я тут же задрал нос, окончательно выключая двигатель и выравнивая «Пулю» для посадки на три точки. Последнее мгновение неизвестности – и плавное касание.

Меня даже не тряхнуло, а самолет уже катил по утоптанной грунтовке, впереди навстречу мне и еще одному пилоту, успевшему сегодня подняться в небо, бежали люди. Механики, готовившие нас к вылету, фельдшеры, не знавшие до последнего, будет ли их ждать сегодня работа, несколько пилотов, приехавших слишком поздно, чтобы помочь нам.

«Пуля» замедлилась, и я увидел, как на втором самолете поднимается и машет мне Казаков. Ха! Кто бы сомневался, что именно он окажется достаточно рискованным, чтобы тоже подняться в небо. И умным. Уже после побега из облаков я разглядел, что именно он устроил и как заманил врага под

огонь наземных орудий.

– Александр Александрович! – стоило «Пуле» замереть, как я тоже поднялся на ноги. Покачивало. – Ну, вы и даете! Как только не побоялись, что вас тоже зацепит!

Я даже представить не мог, какие нужны нервы для подобного маневра. Между самолетами ведь была всего пара сотен метров – один шальной снаряд, и вниз мог отправиться уже сам Казаков.

– Ха! – штабс-ротмистр даже покрутил ус. А что, приятно же, когда ты делаешь чудо и есть кому понять, насколько оно невероятно. – Это знакомые Вячеслава Матвеевича, они раньше вместе служили, и мы уже не первый день этот маневр тренируем.

– И все равно невероятно!

– Что невероятно, так это то, как вы подожгли тот «Цепелин»! Хотя с ним еще ладно – тут только храбрость нужна. Но как вы догадались за огненной бомбой в облака полететь? Вот где храбрость!

– Да, если бы я летел вверх тормашками, а она после броска упала бы прямо на меня, было бы неудобно, – я хохотнул. Сейчас это на самом деле казалось уже смешным.

– Ах-ха-ха! – тоже зашелся смехом Казаков. – Точно неудобно!

Именно таких нас и окружили – смеющихся, живых, благодарных за то, что сегодня мы были в небе не одни. А потом нас принялась нагонять реальность... Сначала в виде по-

здравлений механиков и почти незаметной в общем потоке фразы, что как же хорошо, что все самолеты вернулись целыми. Потом были похвалы пилотов и такие же еле заметные укоры в том, что неприлично вот так раздавать приказы в чужом авиаотряде.

И чем дальше, чем сильнее тускнели воспоминания о чуде, тем больше становилось неприятных вопросов. Как оказалось, у меня была просто царапина, а вот Казакова все-таки немного зацепило, и, когда медики его увели, на меня сразу же налетел только что прибывший полковник с выпученными рыбьими глазами. Потребовал садиться и прямо сейчас писать объяснительные по всем моим самоуправным действиям.

Почти одновременно прибыли жандармы и адъютант генерала Сиверса: последний и вовсе потребовал моего ареста за угон ценного имущества и угрозы жизни солдату императорской армии во время исполнения его обязанностей. Кажется, водитель немного дополнил обстоятельства нашей встречи. Пришлось вместо отдыха писать бумажки еще и для них. Писать-писать-писать. Самое обидное, я же еще так и не разобрался в местной орфографии. А попытка добавить «ер» в твердые окончания да замена «е» на «ять», кажется, не сильно добавляли мне грамотности.

В общем, каждый, кто подходил, чтобы заценить в процессе мои записи, не забывал морщиться, потом косился на мои погоны рядового и, найдя в них объяснение столь дре-

мучей необразованности, только вздыхал. Вдохновение после такого быстро помахало рукой, так что я не стал растекаться «мысью по дереву»¹. Коротко зафиксировал суть по каждой ситуации, передал бумаги и, если честно, был готов к тому, что меня сейчас закроют под замок. Так, на всякий случай.

Однако все оказалось еще хуже.

– Можете быть свободны...

Вот и все, что мне сказали. Я в глубине души был готов принять жесткое следование правилам и уставу – тут ведь дело тонкое. Сегодня нарушение помогло, а завтра из-за него погибнет в десятки раз больше людей. Или излишняя бдительность жандармов, которые после налета просто обязаны были подстраховаться от беспорядков на земле. Тот же Котик обычно ведь так и поступал. Однако всё, что беспокоило пришедших по мою душу людей, это только их задницы.

Они их прикрыли, и весь интерес к событиям этой ночи для них закончился. И вот от этого становилось по-настоящему грустно и обидно.

– Заставили вы меня побегать, Иван Андреевич, – неожи-

¹ На всякий случай, а то нам за эту фразу пытались пару раз напихать... Современный ее вариант – мыслью по дереву. Тут без споров. Однако некоторые филологи склоняются к тому, что это выражение, пришедшее к нам из «Слова о полку Игореве», было в свое время скопировано с ошибкой, а в изначальной летописи писалось именно «мысью», то есть белкой. Согласитесь, бегать белкой по дереву звучит логичнее, чем мыслью. Тем более там же рядом продолжение: волком по земле, орлом под облаками... В общем, эта ассоциация показалась нам более уместной, поэтому на ней и остановились.

данный голос вырвал меня из тяжелых раздумий.

— Илья Карпович? — я с удивлением повернулся к Котлинскому. — Как вы меня нашли?

— Когда увидел аэроплан в небе, было несложно догадаться, — поручик хмыкнул. — Пришлось задним числом выписать вам разрешение от разведки на эту операцию.

Вот, значит, как... Возможный арест все-таки был ближе, чем я думал, но на душе все равно стало легче.

— Так это вы меня прикрыли от... этих? — голос предательски дрогнул.

— Было не сложно, — Котлинский развел руками. — Сейчас все, что их интересовало, это возможность переложить на кого-то ответственность. Завтра, когда поймут, что тут была возможность медали, а то и ордена получить, они снова начнут суетиться, но будет уже поздно.

На лице разведчика мелькнула хитрая улыбка.

— Значит, все лавры вам?

— Кто успел, тот и съел. Сразу скажу, по нашему ведомству с наградами не очень, но вот деньгами точно не обидим.

— А если не деньгами, а самолетом? — я мысленно потер руки. От недавней хандры не осталось и следа.

Мне уже пообещали новую машину жандармы, теперь вот за разведкой должок. Так, глядишь, будет мне и на чем летать, и что в процессе дорабатывать. Последний вылет в очередной раз напомнил, сколько же в этом времени пилотов, которые лучше меня... И нужно было срочно включать моз-

ги, если я хотел, чтобы очередные приключения в небе не закончились слишком быстро.

Глава 2

Стою, краснею.

Думал, после Котлинского можно будет пойти поспать, ан нет. Вернулся из госпиталя не ставший задерживаться там Казаков и... Тоже решил меня поддержать, взялся за мои отчеты, а там – «еры», «яти» не на своих местах, буква «и» без точки, а уж что говорить про знаки препинания. Вот когда мне за нарушения порядка высказывали, совсем не трогало, а тут – зацепило! Или дело в том, что Казаков еще и подкалывать на эту тему начал?

Понимаю, что это вроде признания. Шутят только над своими, но и обида работает по тем же законам. На мнение чужих плевать, а вот те, кого уважаешь, и быют больнее всего. Главное, никому ведь не объяснишь, что это не из-за тупости, что меня просто совсем другому русскому в школе учили.

– Значит, пока я у вас остаюсь? – уточнил я, когда очередная шутка про лишний ять в слове «мать» была доведена до логического конца.

– Вячеслав Матвеевич до конца недели в ставке, разгребает новые планы, что нам готовят по итогу налета, – Казаков вернул серьезный настрой и поделился собранными по пути новостями. – Начальство вроде бы и довольно сбитым дирижаблем, но кому-то нужно ответить за горящий город.

А там еще и другие проблемы вылезли. Представляете, прямо у нас под носом бандиты насильно угоняли людей на работы! Практически в рабство.

О подобных реалиях Первой Мировой я раньше даже не подозревал. С другой стороны, обычный капитализм: есть спрос на рабочие руки, будет и предложение. В разговоре повисла неловкая пауза, потому что вряд ли бы офицер оценил мое мнение о ситуации. К счастью, мы как раз дошли до выделенной мне комнаты в бараке при аэродроме.

– Ладно, отдыхайте, – Казаков попрощался и напомнил об уговоре. – А завтра утром будем с остальными летчиками ждать вашего подробного рассказа. Можно было бы, конечно, и ваш отчет им просто показать, но... Мне бы не хотелось уничтожать вашу репутацию.

И опять он про грамотность. Неужели для кого-то она настолько важна? Я вздохнул, пообещав завтра ничего не утаивать, а потом, уже засыпая, снова задумался о правописании. А почему бы мне на самом деле им не заняться? Я ведь в последнее время привык учиться, а найти человека, что согласится дать мне пару уроков, тоже не велика задача. Да, придется потратить на это не один час, зато какая польза для репутации.

Обычно после обильных приключений ночью бывает не до снов, но мысли об уроках нарушили эту такую удобную традицию. В итоге расслабляющая темнота сменилась пустым классом, потом туда заглянула учительница во фри-

вольном платье и почему-то с французским говором. Эротично, и какое-то время мы даже занимались делом, а потом... Потом я проснулся, но запах женщины при этом никуда не делся.

– Я чувствую ваши духи, – я оценил сквозняки, бьющие из-под двери, потянулся и только после этого начал неспешно одеваться.

Не знаю, что тут происходит, но скромно стоящие за дверью женщины – это не страшно. С той стороны раздался звук скрипнувших туфель, кто-то переступил с ноги на ногу, а потом знакомый голос:

– А я и не пряталась, чтобы вам надо было меня искать.

– Госпожа Вилкас? И что вы тут делаете?

– По заданию ротмистра Котика ездила собирать информацию по вашим самолетам. А тут узнала, что и вы в Вильно. Так почему бы нам не сэкономить время, сразу обо всем договорившись? И навсегда закроем этот вопрос.

Точно, жандарм же обещал, что его помощница возьмет на себя все организационные вопросы по моему подарку. А я как раз про них недавно вспоминал: и про Котика, и про самолет.

– Так и поступим, – я бросил взгляд на часы.

Чуть больше шести. До встречи с другими пилотами время еще было, так что, если я немного отвлекусь, никаких проблем быть не должно. Я вышел, извинился, взяв пару минут на утренний туалет, а потом, по запаху определив, где

тут кухня, предложил девушке продолжить разговор уже за едой.

– Итак, что у нас есть? – я зачерпнул целую ложку каши с мясом, а потом закусил огромным куском хлеба. Эх, жалко, что вчерашним, свежую партию еще только ставили, но и так было очень вкусно.

– Вы... Вы... – кажется, девушка хотела мне что-то высказать, но я подвинул к ней ее тарелку, и она сдалась. – Можете звать меня Эмилия.

Вот и правильно, еда еще и не такие отношения помогала наладить. Я с улыбкой дождался, пока девушка тоже съест пару ложек – ну, кто же так цепляет кашу, только самым кончиком – а потом напомнил о своем вопросе.

– Так что вы нашли?

– Точно, – Эмилия вытащила из сумки небольшую книжку с записями. – Сразу скажу, такую же «Десятку», как у вас была, уже не достать. Из «Ньюпоров» есть только четверка, надо?

Она сделала небольшую паузу, давая мне подумать. Хотя чего тут думать? Моноплан, который рулит поворотом всего крыла, как «Фоккер», но при этом не обладает его жесткостью. Еще и двигатель – самый старый «Гном», всего на шестьдесят лошадиных сил.

– Дальше.

– Есть «Мораны-Солнье», – Эмилия вернулась к своему списку. – Модификация «Аш»...

Я даже обрадовался, но почти сразу заподозрил подвох.

– Год выпуска?

– 1914.

– Значит, тоже старый двигатель. У этих еще и время полета всего полтора часа. Еще.

– «Вуазен-тройка»?

– Это с винтом сзади?

– Зато в нем двигатель на 80 лошадиных сил, – Эмилия неожиданно ответила, даже не подглядывая в блокнот.

– Еще бы в него не поставили чего помощнее. Это же недобомбардировщик! – я только головой покачал. – Вроде какая-то мощь есть, но все уходит на то, чтобы взять лишний груз, а маневренность – считай, и нет ее.

– Значит «Моран», модификация «Вэ» с повышенной грузоподъемностью вас тоже не устраивает?

– Ясное дело. Что еще?

– Все современные «Мораны» расписаны по авиаотрядам, даже ротмистру Котику не выбить вам что-то популярное.

– А из редкостей?

– Есть английский «Дэ Аш 2». Экспериментальная модель, ее еще только доводят до серии, но нам уже прислали. Де Хэвилленд рассчитывает урвать у французов хоть немного наших заказов. Вот только здесь тоже винт сзади.

Я задумчиво кивнул. Помню этот самолет: схема «винт сзади», чтобы лопасти не мешали пулемету стрелять прямо по курсу. В свете отсутствия своего кулачкового механизма

вполне себе решение. У «Дэ Аш» еще и двигатель должен быть мощным.

– «Гном Моносупап» на сто лошадей. Делает «Виккерс» по французской лицензии, – ответила на мой вопрос Эмилия.

Я задумался. «Моносупап» – или, если перевести, одноклапанный «Гном» – был в чем-то проще своего предшественника, на котором я летал раньше. Тот же ротативный принцип, но без входного клапана. Чуть меньше того, что может сломаться, чуть больше мощности, но при этом имелись и минусы. Куда уж без них! Новая модель еще часто выходила из строя, те же самолеты Хэвилленда на старте нередко падали. А еще из-за принципа работы такой мотор действовал более резко, агрессивно, сразу же отзываясь на любые движения РУСа. Кажется, плюс? Вот только вкупе с задним винтом, когда самолету и так не хватало плавности, управлять подобной машиной становилось уж слишком рискованно. И самое главное: теряя в маневренности, мы лишались и своего главного преимущества перед «Фоккерами». В общем, без своего пулемета – никакого смысла.

– Дальше, – вздохнул я, понимая, что идеального варианта может и не найтись.

– «Бристоль МИК 1», – предложила Эмилия.

– Продолжайте, – внутри проснулся азарт, потому что в отличие от многих других самолетов тут хотя бы точно был передний винт и даже одно крыло.

– Моноплан, масса всего 400 килограммов, меньше, чем у «Морана» с подобным крылом. Фрэнк Барнуэлл облетал его в июле этого года, но приемная комиссия осталась чем-то недовольна...

Знаю я, чем они были недовольны. Фирма, которая не делится прибылью с госконтрактов, мало кому нужна.

– И как он у нас оказался?

– Добро на выпуск все-таки дали, правда, всего на сотню машин. Прежде всего для Африки, Палестины, ну и нам вот пару штук отправили.

– А что у вас еще про этот «МИК» записано?

– Корпус цельнодеревянный, спереди обшит алюминией. Крыло верхнее, из двух лонжеронов, обшивка матерчатая. Хвостовое оперение из стальных трубок, покрытие – тоже ткань. Двигатель «Гном-Рон», 80 лошадиных сил. Винт двухлопастной, есть место для установки пулемета Льюиса, но... Самого пулемета нет, и он в принципе еще не доработан для стрельбы сквозь винт.

Ну что тут сказать?

– Беру.

Возможно, в реальности у этой модели и вылезут какие-то болячки, но в теории все звучало более чем вкусно. На моем лице появилась мечтательная улыбка, которую Эмилия, кажется, приняла на свой счет. На щеках девушки мелькнул румянец, и она поспешила вытащить ручное зеркальце, чтобы оценить масштабы бедствия.

А меня накрыло осознанием очень простой, но очень нужной доработки самолетов, которую я чуть было не упустил из виду.

– Пойдемте, – я ухватил девушку за руку и потащил за собой в сторону взлетного поля.

Вовремя, там как раз начали собираться пилоты 19-го и 20-го авиаотрядов. Не так много – как оказалось, часть уехала готовится к переводу эскадрилий в Ригу – но восемь человек ждали меня у выведенного для наглядности «Морана». И что характерно – все такие молодые. Большинству было около двадцати лет, и выделялись разве что два брата Дыбовских, старшему из которых стукнуло аж двадцать пять.

Казаков представил меня, представил собравшихся. По званиям тут собрались в основном прапорщики и поручики. Штабс-капитанские погоны оказались только у оставленного за старшего во время отсутствия Ткачева летчика Калашникова. Его даже рекомендовали отдельно, как тут принято, пройдясь по всему жизненному пути. Мол, закончил Павловское училище, послужил сапером, а свой путь и вовсе начинал в Гатчинском сиротском институте.

Я даже удивился немного, решив было, что в пилоты пробился еще один выходец из низов, но... Потом вспомнил, что сиротский институт был не для любых детей, а только для лишившихся родителей сыновей офицеров и чиновников. В общем, простых людей в обоих авиаотрядах не оказалось, и это быстро начало сказываться. Если вчера сбитый дири-

жабль притягивал ко мне взгляды, то сегодня большинство явно были бы рады оказаться где-то еще.

Даже Казаков, почувствовав атмосферу, попробовал закончить наше обучение как можно скорее.

– Иван Андреевич, – он немного виновато улыбнулся. – Вы ведь, наверно, еще не восстановились? Предлагаю перенести нашу встречу или даже... Думаю, я уже и сам освоил преимущества предкрылков и то, как они помогают раскрыть возможности наших аэропланов. Вы можете спокойно возвращаться в Волковыск, а я уже без спешки доведу все до остальных летчиков.

От меня никто не ждал возражений, но это они зря. Я уже настроился делиться мудростью, причинять пользу, спасать жизни. И останавливаться не собирался: точно не тогда, когда уже так рано ради этого проснулся.

– Прекрасная идея, – ответил я на улыбку Казакова. – Тогда предкрылки на вас и оставляю, а сам расскажу про другие хитрости, которые помогают нам в сражении с «Фоккерами».

А вот угасший интерес и начал возвращаться. Что-то новенькое про небо? Да какой нормальный пилот от такого откажется!

– Другие хитрости? Это только ваша придумка или вся эскадрилья использовала? – спросил Калашников.

– Конечно, вся эскадрилья. Иначе как бы мы «Фоккеры» дурили, – соврал я, не моргнув и глазом.

– Так что вы придумали? – Казаков бросил взгляд на все еще стоящую рядом со мной юную госпожу Вилкас. Мол, не стоит ли посторонним нас покинуть. Но Эмилия еще была мне нужна.

– Сейчас покажу на практике, – я поправил рукава, прищурился на уже бьющее в глаза солнце. – Но сначала вопрос. С какой стороны на вас могут напасть «Фоккеры»?

– С любой, – пожал плечами Калашников.

– В теории – верно, на практике же ваш ответ не имеет никакого смысла, – я улыбнулся.

– Вы хотите меня оскорбить?

– Научить, – с аспирантами я обычно так и общался, через едкие замечания и провокации. Для пилотов и аристократов это явно не очень подходило, но я по-другому, увы, не умел. – Давайте разберемся. Вы говорите, что немцы могут налететь откуда угодно, но... Если вы освоите предкрылки и заметите врага, не дав подбить себя на пикировании, то у него не будет вообще никаких шансов. А они не дураки, понимаете?

– Иван Андреевич, может, вы просто расскажете, без загадок? – Казаков попробовал смягчить ситуацию, но я уже закусил удила.

– Сколько пальцев я показываю? – я вытянул вверх правую руку.

– Два, – Калашников выглядел удивленным и немного рассерженным.

– А теперь? – я отбежал в сторону, чтобы солнце оказалось у меня за спиной.

– Снова два... Нет, три! – быстро поправился он. – Но к чему весь этот фарс?

– Это не фарс. Лучше скажите, в чем была разница: почему в первый раз вы ответили быстро, а во второй чуть не ошиблись?

– На фоне солнца руку плохо видно... – Калашников начал говорить и мгновенно понял, к чему я веду. – Вы хотите сказать, что немцы, когда поймут, что атаки в лоб не работают, начнут заходить против солнца? Они, впрочем, и сейчас так уже делают.

– Против солнца и... – я выдержал паузу. – Подумайте, где вам будет сложнее всего их заметить? Где их сильные стороны перекроют слабые?

– Сверху-сзади, за этим направлением всегда было трудно уследить, – понял Казаков и тут же задумался.

– А теперь честно, – я собирался довести урок до конца. – Смогли бы вы увернуться от врага, который подкрался к вам из слепой зоны?

– Если он промажет...

– В первый раз промажет, во второй тоже, а в третий включит мозги, поймет, что спешить некуда, и, прежде чем открывать огонь, подлетит метров на тридцать. А вот тогда уже положит поперек самолета очередь на пару сотен патронов.

– В таком случае... не увернусь. Однако тут и сделать ни-

чего нельзя, — Казаков поджал губы, ему очень не нравилась мысль, что личное мастерство может в чем-то и не помочь. — У нас нет возможности всегда летать слишком высоко. Любая разведка — это снижение, и тут «Фоккеры» уже будут нас ловить.

— Вот для решения этой проблемы мы и придумали два способа. Первый... — я сделал паузу, оценив, как внимательно меня сейчас слушают, и помахал рукой Эмилии. — Можно ваше зеркальце?

— Да, конечно, — девушка сначала растерялась, но протянула маленький блестящий кружок в серебряной оправе.

— А теперь представьте, — я запрыгнул на подножку «Морана» и прижал зеркальце сначала к левой, потом к правой и верхней частям ветрового щитка. — Мы установим их вот так и сможем, даже не крутя головой, отслеживать появление врага в тех самых опасных и слепых зонах.

— Позвольте, — Калашников запрыгнул в самолет и попросил у меня зеркальце. Потом покрутил его, ловя разные углы отражения. — Это же на самом деле... Так просто, так очевидно. И как мы сами не додумались?

На самом деле додумались, только где-то через год. А заводская установка зеркал начнется уже только перед Второй Мировой. Сказать я это не мог, поэтому просто пожал плечами.

— На самом деле тут есть и очевидные минусы, — к нам подошел Казаков. — Крылья дают сильную вибрацию, поэто-

му изображение в небольшом зеркале выйдет довольно мутным.

А вот, кажется, и причина, почему с этим так долго тянули. Действительно, матерчатые крылья на деревянном каркасе и плавность — это вещи несовместимые.

— Мы думали ставить вытянутые зеркала, — я показал пальцами прямоугольник примерно десять на тридцать, как их делали уже в мое время. — Ну и рассматривайте их, прежде всего, как подсказку. Заметили там даже намек на движение, обернулись, и шансы выжить стали немного больше.

— Вы говорили про два способа, — один из братьев Дыбовских напомнил, что я обещал кое-что еще.

— Минуту, — на этот раз я собирался продолжать уже без лишних ушей. — Эмилия, большое спасибо вам за помощь, не буду вас задерживать.

Вышло, наверно, не очень вежливо, но девушка сохранила лицо. Кивнула, попрощалась и, больше ничего не сказав, спокойно оставила нас одних. Вот теперь можно было и продолжать.

— Второй способ еще проще, чем зеркало. Позвольте шахматную аналогию: чем проще поставить мат одинокому королю соперника, одним ферзем или парой слонов?

— Конечно, слонами будет быстрее. Я даже слышал, что король против ферзя может при ошибке противника и вничью сыграть.

– И это при том, что ферзь формально более сильная фигура. Но она одна...

– Иван Андреевич, ну мы уже не дети, – вздохнул Казаков. – Все уже поняли, что вы говорите о пользе совместных полетов, когда один самолет прикрывает другой.

– Прекрасно, – моя улыбка стала шире. – Вы уже понимаете пользу работы в отрядах, осталось только превратить это общее понимание в конкретные маневры для каждой ситуации. Думаю, сотни схем для первого раза будет достаточно.

Вот теперь я на самом деле сумел всех зацепить.

– Сотни? – переспросил Казаков.

– Сотни, – твердо повторил я. – У нас же целый день впереди, вот и начнем!

Вчера Александр Александрович Казаков был сначала поражен навыками летчика Крылова, потом поставлен в тупик почти полным отсутствием у него образования. Всю ночь эти мысли съедали его изнутри, и с утра он уже был готов отказать от обучения у него. Не из всякого источника стоит пить, даже если тебя мучает жажда. Но за следующие несколько часов этот возрастной охотник сумел его удивить, причем сразу несколько раз.

Началось все с того, что Казаков рано проснулся, так и не успокоившись после вчерашней суеты, а потому стал невольным свидетелем неожиданных отношений. Сначала к Крылову пришла женщина. Нет, в самом этом факте не было ни-

чего удивительного: если не считать того, что это была дворянка, на дворе стояла ночь, а ее встретили шуткой про запахи, которую не каждый гвардеец поддержал бы даже после штофа водки. Впрочем, потом в общении летчика и его гостыи не было совершенно никакого романтического подтекста. Какое-то время...

Казаков, продолжая невольно за ними присматривать, видел, как это выбивало гостью Крылова из колеи. Кажется, она только из-за этого и выдала свое знание об авиации. Не уровень выпускников Гатчины или Качи, но точно не случайный человек. А Крылов, словно продолжая испытывать свою спутницу на прочность, выкидывал все новые коленца. Предложил вместе позавтракать, словно не зная, какой уровень близости это предполагает, а потом и вовсе, догадавшись о тайном интересе гостыи, позволил ей пройти на аэродром и стать участником пусть небольшого, но настоящего военного эксперимента.

В этот момент Казаков был уже уверен, что пожилой летчик просто влюбился и пытался по-своему неуклюже произвести впечатление на свою спутницу. Она тоже так решила, на ее губах мелькнула такая знакомая понимающая ухмылка победительницы, уже готовой поставить каблук на очередную жертву, но... Именно в этот момент Крылов и выслал с аэродрома мгновенно лишившуюся своего пьедестала королеву. Еще и рукой помахал. Жесткая игра, и было совершенно непонятно: то ли это такой способ знакомства почти по

Пушкину, мол, чем меньше женщину мы любим, то ли проверка на доверие, то ли врожденное варварство и отсутствие такта.

Казаков, впрочем, не собирался искать ответ на этот вопрос, потому что теперь Крылов поразил уже его самого – ну и всех остальных летчиков за компанию – предложив составить сотню способов работы в воздухе парами и малыми группами. Причем сам записал только три, а остальные сказал, чтобы они составляли сами. И они составляли. Думали, предлагали, критиковали. Что-то сразу откидывалось, что-то шло в копилку будущих полетов, что-то откладывалось до того дня, когда у них появятся пулеметы.

И это было очень непривычно. Обычно даже в дни полетов летчики были заняты максимум часов до трех, а тут прошло утро, прошел обед – они отвлеклись только кликнуть денщиков, чтобы те принесли еды – наступил вечер. А они все работали: думали, спорили, обсуждали. И составили только треть списка.

– Наверно, на сегодня все, – зевнув и бросив взгляд на часы, Крылов первым встал на ноги. Другие уже тоже давно были готовы сдать, но никто не решался сделать это первым.

– На сегодня?

– Конечно, – уверенно кивнул Крылов. – Пока я здесь и пока вас не отправили на новые вылеты, будем продолжать. С утралетаем, опробуем то, что записали сегодня, а потом

продолжим. За маму, за папу, за императора!

Казаков чуть не подавился от столь дерзкой шутки, а вот штабс-капитан Калашников не удержался и еле слышно хмыкнул. В любом случае отказываться от продолжения учебы никто не стал, а значит... Продолжать завтра – так продолжать!

Глава 3

Александр Федорович вышел на Одесскую улицу и потянулся. Район Пески в Петрограде активно застраивался купцами, военными и прочим не самым бедным людом, из-за чего казалось, что жизнь тут кипит, что все не так плохо... В правом боку уже привычно закололо, и Александр Федорович поморщился. После двухмесячной поездки по югу России болезнь начала атаковать то ли печень, то ли почки с новой силой. Злые языки говорили, что это из-за неумеренного питья. Ах, если бы...

Он остановился, не выходя из тени дома. Тут бок словно бы и не так сильно болел, а еще в этом легком сумраке его лицо было не так заметно.

– Курс немецкой марки вырос на одну копейку! – мальчишка-разносчик бежал со свежей газетой, которую не стали бы читать в более дорогих или, наоборот, дешевых районах. А тут – самое то.

– Русский летчик поджег германский дирижабль с помощью банки с бензином! – новая яркая тема.

Александр Федорович сделал себе мысленную пометку углубиться в этот вопрос. Тем более что до него доходили слухи, будто кто-то привез в город пленку, на которую удалось запечатлеть часть того самого боя в небе над Вильно. Пока это были просто слова, но молодому политику, которо-

му недавно исполнилось всего тридцать четыре года, казалось, что искусство кино способно на многое. Особенно если правильно все обставить.

– Председатель Центрального военно-промышленного комитета Александр Иванович Гучков высказал свое мнение о новых Особых совещаниях, утвержденных государем перед его отъездом на фронт! – еще один пацан-разносчик кричал на всю улицу, и вот эту новость прочитают уже везде.

Война и деньги – это те вещи, которые сейчас на слуху у каждого. Собственно, и Александр Федорович поспешил вернуться из своей поездки именно ради них. Первое Особое совещание для усиления артиллерийского снабжения армии было организовано еще в мае и, несмотря на долгий путь от закупки станков до снаряжения взрывательных трубок, уже дало прирост по отгружаемым на фронт снарядам в два раза. После такого призрака снарядного голода, вставший над страной, казался уже не таким и всесильным. Вот оно отличие великой державы от тех, кто только пытается такими казаться – она может подстроиться под любые изменения в мире.

– Количество снарядов, поставляемых на фронт, выросло с пятнадцати тысяч в день до тридцати всего за четыре месяца! – мальчишка продолжал завлекать людей, а мысли Александра Федоровича уже неслись дальше.

Хороший результат. Конечно, это еще в разы меньше того, что на самом деле нужно даже для оборонительных

операций, не говоря уже о наступлении... Но иногда важны не столько итоговые цифры, сколько динамика процесса. Неудивительно, что царь поддался соблазну организовать еще четыре совещания... Александр Федорович криво усмехнулся. Оборона, топливо, перевозки, продовольствие. Ключевые сферы, где нужна была крепкая рука. Предельные цены стали необходимым намордником на жадности акционеров, выжимающих свои предприятия до последней капли, а возможный секвестр – хорошей палкой, чтобы показать, что все может быть еще хуже. Кто же захочет, чтобы у него, в его собственной вотчине, ввели внешнее управление?

Вот только царь и его советники совсем не учли последствий... Александр Федорович на мгновение прикрыл глаза, представляя весь тот путь, что прошло общество за последние годы. До войны все было так просто. Были правые, монархисты – Союз русского народа и Союз Михаила Архангела. Самая верная, самая радикальная опора трона, которая начинала терять влияние в Думе, но на улице оставалась грозной силой. Потом справа-налево. Октябристы Гучкова, готовые поддержать царя, но согласные на умеренные реформы. Следом кадеты Милюкова – эти уже настоящая оппозиция: говорили, что хотят конституционную монархию, но многие уже понимали, что мечтают-то они о республике.

Ну и полностью левый фланг. Умеренные трудовики, наследники народовольцев, без собственной программы и, главное, без готовности и решимости ее воплощать. Впро-

чем, они стали идеальной партией поддержки для самого Александра Федоровича. Дальше шли те, кто обладал силой и не боялся ее – социалисты. Эсеры Чернова: убийцы, бомбисты, главная сила Первой русской революции – сейчас они неожиданно оказались чуть ли не провластной партией из-за несогласия с позицией, что революция нужна здесь, сейчас и любой ценой. Меньшевики Мартова, также готовые на какие-то компромиссы, и большевики Ленина. Эти уже хотели для себя весь мир, и ни каплей меньше. Эх, знал бы отец, что когда-то так восхищался школьными сочинениями Ульянова-младшего, куда тот в итоге свернет!

– А потом началась война, – мысли Александра Федоровича плавно скользили дальше.

В 1914-м вся страна и даже вся Дума сплотились вокруг трона. Собственно, и ему самому пришлось стать оборонцем, вместе с монархистами, октябристами, кадетами и даже частью социалистов. По факту единственным, кто, несмотря на общественное осуждение, не поддержал защиту России, стал Ленин. И кто бы знал, что в итоге это окажется сильным ходом. После начала поражений 1915-го и, главное, после осознания собственной слабости, когда страна начала погружаться в пучину снарядного голода, в оппозицию снова ушли кадеты. Начали колебаться патриоты Гучкова, и тут царь сам сделал подарок всем своим врагам.

Да, Особые совещания дадут фронту результат, но они же позволяют... уже позволили его противникам в Думе начать

работать вместе, найти точки соприкосновения. Не просто же так 25 августа было объявлено о создании «Прогрессивного блока», что от лица большинства партий фактически потребовал от царя и правительства ответить за свои решения... И вот она точка раскола! Что бы ни решил Николай, он уже проиграл. Пойдет на уступки – покажет свою слабость. Распустит Думу – сделает оппозицию еще радикальнее и, что хуже для него, деятельнее. До этого у Гучкова и Милюкова были только идеи, но благодаря особым советам, благодаря возможности влиять на то, кто и сколько будет получать государственных денег, они начали перетягивать на свою сторону крупный капитал, что раньше еще мог держаться вне политики.

Огромная власть и... Что иронично, никакой ответственности. Той самой, что они так требовали от Николая. Да, Акела промахнулся, и пусть он сам еще этого не понимает, пусть даже стая ничего не осознала, но она уже готовится к выбору нового вожака. Впрочем, это вовсе не значит, что всем участникам процесса остается только плыть по течению. Те, кто будут шевелиться быстрее остальных, могут воспользоваться моментом и урвать что-то для себя. Вот только вопрос, что сейчас будет ценнее: деньги или политический капитал?

– Александр Федорович, едем? – рядом с задумавшимся политиком остановилась его личная повозка. На облучке сидел молодой возница: ученик и воспитанник старого Ан-

дрея, что служил еще его отцу. Потомственная верность: в чем-то это было даже приятно.

– Едем, – Александр Федорович вышел из тени, и кто-то из прохожих его сразу узнал.

– Керенский! Это же Керенский! – ему дружелюбно замахали рукой.

И Александр Федорович так же вежливо ответил, надевая дежурную улыбку. Ему всегда говорили, что он неплохо играет, и этот талант помогал ему в итоге чуть ли не больше, чем образование, знание законов, а также накопленные лично и отцом связи. Актер, который перевернет империю – ему нравилось, как звучит этот сюжет.

Вячеслав Матвеевич Ткачев очень хотел остаться со своими летчиками, но в ставке Западного фронта воспользовались тем, что на время переброски аэропланов и личного состава в Ригу можно было обойтись и без него... Срочный приказ, и вот уже нужно мчаться в Минск. Хорошо, что погода летная и можно было сэкономить время, обойдясь без очередных суток на железной дороге.

На месте есаул сразу же оценил нервозность атмосферы. После недавнего разделения Северо-западного фронта на отдельные Северный и Западный пошли и перестановки, после которых многие офицеры как получили новые назначения, так и лишились своих мест. Здесь, в ставке Эверта, об этом не замолкали ни на секунду.

– Говорят, 1-я армия Литвинова сохранила больше всего штата и офицеров.

– Сложно не сохранить. Их же берегут, а снабжение – лучшее. Неудивительно, что у других армий сейчас дай бог пятьдесят процентов личного состава, а у них почти восемьдесят.

– Ну как берегут? Они весной отразили два немецких наступления во время Праснышской операции, потом сами атаковали в июне под Журавиным. 18 тысяч взяли в плен. Опять же в 1914-м под Гумбиненом сражались. Мне кажется, просто генерал Литвинов знает свое дело.

– А 2-я армия Смирнова – наоборот, – в разговор вмешался новый офицер. – После отступления из Польши у них огромные потери, многие полки сейчас комплектуют почти с нуля. Получается, номер старый, а армия новая.

– Как бы по ним в сторону Минска и не ударили.

– А мне кажется, что у 3-й армии генерала Леша ситуация хуже. Все-таки южный фланг, там-то основные силы германцев на Польшу и шли.

– И что там сложного? Очевидно, главное слабое место – это 4-я армия. Генерала Эверта оттуда перевели в командующие фронтом, генерал Рагоза только перенимает дела. Если и бить, то только туда.

– Алексей Ермолаевич все равно за своей старой армией приглядывает. А вот в 12-й что? Турина перевели под Петроград, а Горбатовский там как сыч сидит.

Ткачев прошел мимо спорящих офицеров, так и не узнав, о чем они в итоге договорились. Впрочем, у него было и свое мнение на эту тему. Правый фланг Западного фронта, стык между их 10-й армией Радкевича и 5-й армией Плеве с Северного. Вот где можно было бы устроить настоящий хаос, если бы у германцев получилось совершить глубокий прорыв... К счастью, пехоте для такого не хватит скорости, а кавалерия? Гинденбург давно ее не показывал в деле, говорят, европейские страны в страхе перед пулеметами спешат и во все от нее отказаться. Да и, если накопят чего, неужели русские драгуны им проиграют?

Есаул быстрым шагом дошел до здания Минской мужской гимназии, где располагалась ставка, всего за полчаса. Проветрил, размялся и заодно людей послушал. В ставке, впрочем, тоже болтали. После недавнего переезда из Седлица тут до сих пор сидели на чемоданах, но обсуждали внезапно не фронт или даже тыловое снабжение, а деньги.

– С тех пор как прошлым летом отменили обмен казначейских билетов на золото, все катится в тартарары.

– Курс якобы прежний, но без реальных денег это все фикция.

– С начала войны рубль уже упал процентов на двадцать-тридцать, а что будет, если германское наступление продолжится?

– Это даже не важно. Деньги – суть продолжение экономики. Экспорт падает, импорт дорожает. На самом деле те-

купающая инфляция скорее чудо, чем трагедия.

— Но это не заслуга министерств. Спасибо союзникам, что одобрили новые кредиты.

— У Франции свои проблемы, так что спасибо не союзникам, а прежде всего Англии.

— Зря вы недооцениваете Петра Львовича Барка, — в разговор вмешался кто-то познатнее. Ткачев с первого взгляда оценил пошитый золотой нитью мундир.

— А что он сделал?

— Деньги ведь можно тратить по-разному. Союзники требуют, чтобы мы пускали большую часть кредитов на закупку у них, накручивают цену и сдерживают этим свою собственную инфляцию. Они думают о будущем, и Барк тоже думает. На закупки идут кредиты, а для зарплат, для внутреннего рынка печатается дополнительная денежная масса. Да, это ведет к росту цен, зато после окончания войны у страны останется возможность выжить без внешних вливаний. Если мы еще и внутренние расходы отдадим Лондону и Парижу, вот в таком случае даже победа в будущем приведет к огромному кризису, а так... Пропадут кредиты, но пропадет и необходимость военных трат, лишние деньги постепенно будут выведены, а там и к золотому стандарту можно будет вернуться.

— А Особые совещания? Что вы про них думаете?

— Дело хорошее. Для фронта, — столичный офицер поморщился. — Но вот для страны — это опасность. Резкий рост

внутреннего кредита, перенос всех денег буквально в пять сфер. А что будет со всеми остальными? Люди и так чувствуют, что могут позволить себе меньше, чем раньше. А теперь, когда некоторые вещи просто невозможно станет купить, чем это закончится? Спекуляциями, дефицитом, волнениями.

– Но если бы не Совещание по снарядам, то германцы бы уже до Вильно дошли. Цена большая, но выбора-то не было.

– Выбор есть всегда, – ранее разговорчивый офицер на этот раз не стал продолжать. – Да и насчет того, что до Вильно не дошли, я бы не спешил. Гинденбург пока еще наступает.

С последним Ткачев был согласен на все сто процентов и дальше прошел уже совсем в боевом настрое. Ему нужно было выбить не только награды для своих летчиков, но и прежде всего новые аэропланы – не по их числу, а с запасом! – и еще настоять на установке пулеметов, хоть в каком виде, и, конечно же, получить добро на доработку как самих машин, так и тактики их использования.

Еще недавно Вячеслав Матвеевич предпочитал малодушно оставлять все подобные решения на усмотрение великого князя Александра Михайловича. Он же Романов, он покровительствует русской авиации, кому как не ему сражаться за ее место в армии, но сейчас... Вид горящего Вильно, его летчики, бросающиеся в самоубийственную атаку на германские дирижабли фактически безоружными, враг, кото-

рый научился сражаться не отдельными самолетами, даже не группами, а целыми воздушными соединениями!

Возможно, пока это случайность. Но сколько пройдет времени, пока она превратится во что-то постоянное? Немцы умеют действовать быстро, а значит... Больше нельзя терять ни минуты!

Стою, скучаю. Мой самолет отправили сразу в Волковыск, так что я остался в Вильно только в роли наблюдателя.

– Разбор! Разбор! – Казаков замахал руками, встречая входящих на посадку братьев Дыбовских.

Три десятка маневров, что мы записали в первый день, на следующий сократились в три раза, потом еще в два, а в итоге мы неожиданно пришли к тому, что назвали просто общей защитной концепцией. Мне, если честно, казалось, что чем больше конкретных приемов, тем лучше, но остальные так вдохновились, что я просто сделал вид, будто так оно и задумано.

– Мы доведем эти ножницы до совершенства, – Дыбовский-младший врезал по краю кабины своего «Морана».

Сегодня он несколько раз увлекся, чуть не отправив самолет в сваливание, и только присматривающий за ним старший брат помогал вовремя остановиться. И да, мы с ними учим ножницы – одну из классических фигур пилотажа. И я тут ни при чем. Остальные пилоты как-то сами на нее вышли в процессе обсуждений, оценили красоту и универсальность,

а потом даже название классическое само собой выскочило и привязалось.

– Итак, в чем ваша ошибка? – мы занимаемся уже третий день, и Казаков даже вошел во вкус учительствования.

– Терял слишком много скорости, – повинился Дыбовский-младший. – Надо было плавнее круги делать. А то один разворот, другой, и все. Захожу в третий, а аэроплан уже трясет, не хватает ему скорости для такого количества поворотов.

– Верно, скорость – это как топливо в баке. Пока она есть, вы можете маневрировать. И неверно! Главное, что вы просто повторяли повороты. Один левый поворот, один правый. Каждая дуга одинаковая. А где мозги?!

– Александр Александрович!

– Что? Разве я не прав? Вчера же разбирали всё и вместе решили, что нам нужна не просто болтанка, а управляемый и предсказуемый прием! Так где управление?

Я чуть не хихикнул: так смешно Казаков в этот момент махал руками. Очень эмоционально, но вряд ли полезно. Кажется, одного желания учить без опыта будет маловато. А у меня, похоже, появилась идея, как это исправить. В обучении же главное что? Чтобы учитель и ученик понимали друг друга, чтобы говорили на одном языке. Вот и нам надо о нем для начала договориться.

– А что, если попробовать разбить маневр на составляющие? – предложил я, и ко мне повернулось сразу три па-

ры глаз. Две сомневающиеся, одна полная надежды. Ну, я и продолжил. – Александр Александрович очень хорошо сказал про управляемость и предсказуемость. Так через что мы можем управлять не одним маневром, а сразу всей серией? Как мне кажется, тут нужно выделять энергию – наш ресурс маневра, и углы – как способ его тратить.

Какие-то вещи из будущего я помнил, например, мог бы рассказать, как провести кобру Пугачева, чтобы смертельно удивить вражеского пилота. Вот только не все приемы современной для меня реактивной авиации возможны на двигателях и деревянно-тканевых крыльях 1915 года. А что попроще: я знал названия, но вот что за ними стояло... Не описание, а понимание, сильные и слабые стороны, хитрости и все такое – до этого я точно так же доходил вместе с остальными летчиками.

Возможно, немного другим путем – все-таки я больше думал образами из будущего, законами физики и математическими формулами. Но мне тоже нужны были время и фактура, чтобы разобраться и увидеть картину целиком. Как сейчас. Три дня, целых три дня, но в итоге я наконец-то могу сказать, что осознал, как именно можно и нужно будет использовать эти самые чертовы ножницы.

– Углы и энергия, поясните, – подбодрил меня Дубовский-старший.

– У разведчика задача уйти от врага, у истребителя – оказаться позади и подбить. Смысл ножниц в чем? Чтобы, сбра-

сывая скорость за счет поворотов, мы либо не давали взять себя в прицел, либо и вовсе заставили германский самолет проскочить мимо и попасть уже под наш огонь. Соответственно, и в том, и в другом случае мы должны продолжать маневры дольше врага, так?

– Так.

– Соответственно, сразу уходим от схемы «правый поворот, левый поворот», добавляя посередине небольшое снижение для компенсации потерянной в процессе скорости.

– Точно! Это бы помогло мне избежать сваливания! – Дыбовский-младший просиял.

– Дальше, – я продолжал. – Повороты – это способ привести врага в нужную точку. Соответственно, отслеживая его маневры, мы должны понимать, что иногда нам нужна длинная дуга, иногда короткая.

– Согласен, я это тоже заметил, – кивнул Казаков.

– Еще, – я не закончил. – Мы держим запас скорости, мы ведем врага, мы помним, для чего мы это делаем. Что еще? А то, что мы в небе. Мы уже добавили в схему небольшие пикирования, значит, логично было бы использовать и тангаж. Небольшой угол вверх или вниз, когда нужно – это тоже наш инструмент.

– Угол и энергия, – кивнул Казаков, вспомнив, с чего я начал. – Нет, лучше угол и скорость. Хорошая формула, простая, понятная – и в то же время сколько же можно совершенствоваться только в ней одной!

Я улыбался. На душе почему-то было легко и спокойно. Так иногда бывает, когда не просто делаешь свою работу, но и своими же глазами видишь результат. Что именно она дала кому-то другому. И это дорогого стоит. Еще бы полетать дали... Впрочем, Казаков обещал, что завтра одолжит мне свой самолет, если с моим так ничего и не решится.

Поэтому жду. И стараюсь изо всех сил не думать, как именно по теории вероятностей должен будет закончиться этот полет.

Глава 4

– Я буду летать, я буду летать, я буду сегодня летать, – я немелодично напевал песенку по дороге к аэродрому, когда меня неожиданно перехватил Божич.

Я сначала даже не узнал серба, настолько не ожидал его здесь встретить. Но это был точно он: стоял, блистал своей идеальной улыбкой и как-то подозрительно радостно на меня поглядывал.

– Иван Андреевич, я по вашу душу, – стоило мне подойти, как подозрения сразу подтвердились.

– Что-то случилось?

– Вячеслав Матвеевич вызвал меня принять наши пулеметы и проследить, чтобы отгрузку не задерживали. Заодно сказал вас захватить, вот я и решил начать с хорошей компании, – он улыбнулся еще шире, чем раньше.

– Значит, не полетаю сегодня, – я грустно проводил взглядом стоящие на взлетной полосе «Мораны».

Жалко-то как.

Но через мгновение до меня дошло, что именно сказал Божич.

– Пулеметы? Нам все-таки дают пулеметы? – в груди начало разливаться приятное тепло.

Все-таки мы эти дни столько работали над стратегией, продумывали вылеты в том числе и с оружием, но... В глу-

бине души жили опасения, что где-то что-то пойдет не так, и ничего никому не дадут. Тем более пулеметов, судя по разговорам, и для пехоты-то по штату не хватало, а тут еще мы... Но Ткачев молодец, смог-таки выбить.

Я попросил Божича немного подождать, добежал до Казакова с другими пилотами и попрощался. До них уже тоже добрались слухи о выделении нам оружия: разве что для 19-го и 20-го авиаотрядов его будут готовить уже в Риге.

– Главное, – напутствовал меня Казаков, – смотрите, чтобы вам пехотные пулеметы не подсунули. Они мало того, что сами весят в два раза больше, так еще и с водяным охлаждением – еще несколько фунтов сверху встанет.

– Понял.

– Если «Максима» дают, значит, точно пехотный, – добавил Дыбовский-младший. – Еще могут попытаться «Гочкис» всучить, но лучше тоже не брать. Во-первых, их немного, потом с запчастями придется мучиться, во-вторых, ненадежные, даже сами французы при возможности берут себе «Льюис» или «Виккерс».

Я поблагодарил за советы, вернулся к Божичу, и мы на нанятом им экипаже покатали на артиллерийский склад недалеко от Сапежинских казарм. По пути серб рассказал последние новости из Волковыска. Самой значимой оказалась та, где Орлов менял повязку на раненой ноге, а его со спущенными штанами застала прибывшая на аэродром инспекция.

– Они так ржали, – говорил и хохотал Божич, – что даже не стали писать свои обычные жалобы.

– А на что они обычно жалуются?

– Да на форму или что самолеты все клеенные-переклеенные, смотреть неприятно. А я бы тоже не отказался, чтобы у нас аэропланов побольше стало, чтобы можно было на новых каждый день взлетать.

– Мечта, – согласился я. – А на летных неделях, когда вы на соревнованиях летали, там же все по-другому было?

Мне захотелось поднять Божичу настроение, напомнив о былых временах, которые он чаще всего вспоминал с улыбкой, но... Кажется, попал куда-то не туда. Серб как-то разом помрачнел.

– Аэропланы тогда, конечно, были новые, вот только не всегда та новизна спасала, – он еле слышно скрипнул зубами. – Кажется, прошло всего ничего, а насколько сейчас стало проще летать. Насколько больше стали думать о том, чтобы пилоты возвращались. А тогда... Мы же не столько соревновались, сколько на самом деле рекламировали ту или иную мастерскую. Рухнул самолет, так – бывает, это же небо, чего вы хотели. У офицеров с этим еще попроще было. Вроде без принуждения, просто хороший тон: тебя обучили на «Фармане», ты на «Фармане» и летаешь. И неважно, что в этот момент именно они начали отставать от других аэропланов, именно у них пошла экономия на производстве, а крылья чуть ли ни складывались в полете.

– Вы сейчас про...

– Лев Макарович Мациевич, первая жертва русской авиации. Погиб 24 сентября 1910 года на Комендантском аэродроме в Петрограде. Порвалась расчалка, трос попал в винт, самолет качнуло... Возможно, у него еще был бы шанс что-то сделать, но тогда ведь даже ремней не было. Кабины нормальной не было, чтобы за что-то ухватиться! Лев просто вылетел со своего места и все. А у него был такой талант и столько идей! Вы, наверно, не знаете, а он пришел в авиацию из флота и за год до смерти как раз первым предлагал создавать специальные корабли для аэропланов. Столько всего не было сделано из-за какой-то глупости!

– Мне жаль, – я сказал, и неожиданно в памяти всплыли строчки. Не только Божич, вся Россия переживала ту трагедию.

Летун отпущен на свободу.

Качнув две лопасти свои,

Как чудище морское в воду,

Скользнул в воздушные струи.

– Блок, – сопнул носом Божич. – Александр Александрович действительно хорошо написал. Вот только, несмотря на все сожаления, это ничего не изменило. После Мациевича был Матыевич-Мацеевич. Представляете, некоторые люди умудряются их путать, хотя единственное общее у них – это трагедия. Бронислав Витольдович тогда проводил тренировочные полеты Кача-Джанкой, писал инструкции, как

ориентироваться по компасу и часам, его точно ждали такие высоты, но... Очередная смерть! Еще и в тот день он, как назло, поднялся в небо вместе с братом: сиделся как обычно, выключил мотор, пошел на посадку, но резкий порыв ветра, а «Блерио», на котором он должен был летать по контракту, совершенно не умел его держать. Аэроплан закрутило за доли секунды. Бронислав Витольдович попытался что-то сделать: включить мотор, снова набрать скорость, но в пятидесяти метрах от земли уже никто и ничего не смог бы исправить.

Мы какое-то время ехали молча.

На аэродроме я, окунувшись в небо, начал забывать, что в жизни есть и другая, грязная сторона. А тут этот рассказ, открывшийся по-новому Божич, а потом и Вильно показались. Сгоревшие дома, гражданские, потерявшие своих близких, военные с потухшими глазами и уставшие от бесконечных поражений этого года. Кулаки невольно сжимались, а тут еще, стоило нам добраться до склада, вальяжный прапорщик с ходу попытался подсунуть нам те самые пехотные «Максимы», о которых предупреждал меня Казаков.

– Тяжеленький, – Божич распаковал один из вынесенных нам ящиков. – Ну что, Иван Андреевич, кликните солдат, чтобы помогли доставить их на вокзал.

Я только вздохнул на наивность своего спутника. С другой стороны, опыта у него нет, а до первой установки и первого полета понять, что не так с этими тяжеловесами, было очень

непросто. Неудивительно, что в это время было немало случаев, когда за неимением выбора и после такой вот подставы летчикам приходилось подниматься в небо с подобными бандурами на борту.

– Подождите, – остановил я серба. – Для начала давайте разберемся, почему нам выдают пехотные, а не авиационные пулеметы – раз. И два – почему ящиков только шесть, хотя в аттестате на получение указано двенадцать.

– Почему? – Божич все мгновенно понял и, нахмутив брови, повернулся к прапорщику. Заодно даже наклонился немного, нависая над ним. То ли чтобы добавить грозности, то ли чтобы было лучше видно его погоны поручика.

– Никакой ошибки, – мгновенно зачастил тот, словно с самого начала готовился к этому вопросу. – В документах указано: пулеметы – вес без патронов. Вот, смотрите, строка: 150 килограммов – я вам ровно столько и выдал. А что там какие-то авиационные или еще какие есть, тут отдельно разбираться надо.

Прапорщик суетился, но особо не протестовал. Очевидно, лишние конфликты ему были не нужны, а строчку «прокаатило» из накладной можно и вычеркнуть. Кстати, кажется, я разгадал схему. А то на первый взгляд было не очень понятно, зачем ему наши «Льюисы», если на них спроса пока нет, но, если подумать... Выдал нам шесть пулеметов, списал двенадцать. При правильно оформленных документах можно получить на руки аж шесть дефицитных «Максимов», каж-

дый из которых в закупке стоил вообще-то по 1700 рублей.

Аж кулаки сжались, стоило представить масштабы денег и оружия, уходящих налево. И это один человек, но каких же у него размеров жадность. И есть ли у нее вообще границы?

– Эти тогда забираю, – прапорщик, словно что-то почувствовав, скомандовал, чтобы первые ящики поскорее унесли на склад, а вместо них вытащили новые. Одиннадцать поменьше, один побольше и еще почти такая же гора коробок с патронами. Мы с Божичем переглянулись и приготовились проверять новую добычу. И не дай бог нас снова попробуют обмануть – на этот раз я уж точно пойду до конца.

Пауль фон Гинденбург отложил в сторону бумаги. Наступление продолжалось, приходилось посвящать ему каждую минуту своего времени, но... Об экстренной встрече попросили сразу двое. И причины, побудившие заглянуть Гельмута Вильберга, недавно переведенного из 4-й армии для командования авиацией Восточного фронта, еще можно было понять. Потери при бомбардировке Вильно оказались выше расчетных, еще и русские воздушные разведчики все никак не могли уgomониться. А вот появление Вальтера Николаи из отдела 3-Б объяснить было уже сложнее. Что уж говорить о причине, которая могла бы заставить их прийти вместе.

– Итак, о каких неприятностях вы бы хотели мне рассказать? – Гинденбург встретил гостей со вздохом, потому что весь их вид говорил о том, что новости у них будут точно не

хорошие.

– Информация, которую я смог собрать, изначально может показаться незначительной, но я все же настаиваю, чтобы вы меня выслушали, – начал Николай.

Глава контрразведки Германии был не особо на слуху в армии, но Пауль слышал, что за эти два года его ведомство уже задержало 37 человек, действовавших по заданию Франции, и еще 18, работавших на Россию. Если вспомнить предательство полковника Редля в Австро-Венгрии, который еще неизвестно что успел продать царским агентам, то работа с подобными людьми была очень важна. И Гинденбург умел ценить тех, кто хорошо делал свое дело.

– Я вас слушаю.

– Тогда начну с начала. Две недели назад во время проведения маневров к северу от Ковно был захвачен русский солдат в необычной одежде. При нем была сумка из неизвестного германской науке материала с необычными предметами. Признаюсь сразу, эта информация дошла до меня с некоторым опозданием, поэтому часть предметов была утеряна или украдена. Мы продолжаем их поиски, но... Впрочем, это не так важно.

– Так что было в этой сумке? Карты, планы, компрометирующие письма? – предположил Гинденбург.

– Карта была, – усмехнулся Николай. – Причем с очень хорошим качеством типографии, которого никто не ожидал от Санкт-Петербурга. Я привлек лучших специалистов, и они

сказали, что никогда не видели таких тонких градаций цвета, необычных шрифтов, а еще... На ней оказались очень детально прописаны изобаты всех глубин в устье Невы и дана точнейшая линия рельефа. Мы думаем, что эта карта использовалась для постановки минных заграждений в Финском заливе, но вот как она оказалась так далеко от берега – можно только гадать. Тем не менее, флот оказался ей очень доволен...

Пауль понимающе кивнул: если флот доволен, то эта карта может пригодиться в какой-то их новой операции. Не отказались от возможности обстрелять Санкт-Петербург с моря? Впрочем, если Генрих Прусский, командующий силами в Балтийском море, получит больше влияния и ресурсов, ему, Гинденбургу, это будет только на руку.

– Что-то еще?

– Фонарик, рация, таблетки.

– И это стоило вашего внимания?

– Представьте, длина фонарика десять сантиметров, а судя по форме линзы, он должен был давать пучок света на сотни метров вперед.

– Должен был? Я так понимаю, что фонарик не работал?

– Ни он, ни рация. Она тоже очень миниатюрна, размером с ладонь. Внутри много непонятного, но антенна, динамики, крошечный аккумулятор – в двадцать раз меньше того, что таскают наши связисты для своих станций на передовой. Увы, все промокло, вода и что-то еще разрушили приборы,

но даже в таком виде их исследование дает очень много пищи для размышлений.

– Или уводит вас в сторону? Вы не думали, что это может быть ловушкой, мистификацией? – предположил Гинденбург. Пока все услышанное звучало забавно, но вряд ли было на самом деле полезно.

– Возможно, мы тоже не исключаем эту версию, но позвольте я перечислю все странности. Дальше были таблетки. Они лежали в непромокаемом чехле, но во время доставки его повредили, потом дождь, и текст на упаковках и инструкциях оказался размыт. Тем не менее, сами препараты не пострадали, и мы даже смогли восстановить часть надписей. Например, сейчас точно известно, что одна из таблеток очищает воду.

– И что в этом странного? Сейчас мои солдаты тоже такими пользуются.

– Что странного? – Николаи усмехнулся. – Германская армия использует гипохлорит кальция, который вполне сносно убивает тиф и холеру, вот только... Запах у воды после него такой, что каждого второго солдата блевать тянет. Также надо ждать не меньше часа, чтобы таблетка подействовала наверняка. Еще она не убивает цисты бактерий, из-за чего наши госпитали постоянно забиты больными с кишечными расстройствами и паразитами. Такое вот средство у нас. А новая таблетка – убивает все, не пахнет и действует почти моментально. Уже интересно?

– Что ж, вы угадали, – Гинденбург вздохнул, вспоминая пятизначные цифры небоевых потерь только за это лето.

– Тогда... – Николаи выдержал паузу. – На пачке было написано вещество, из которого ее делают: диоксид хлора.

– У нас есть натриевые и калиевые соли, серная кислота тоже имеется, – задумался Гинденбург. – То есть мы можем эти таблетки повторить?

– В теории. На практике диоксид хлора – это взрывоопасный газ, который рванет, стоит его концентрации чуть перевалить за десять процентов. Как его перевести в стабильное сухое состояние, у всех берлинских химиков пока нет ни малейшего представления.

– А в таблетках на самом деле этот диоксид? Не обман?

– Именно он.

– Что ж, продолжайте. Пока не понимаю, к чему вы ведете, но все становится только интереснее.

– Именно. Следующая странность: все надписи, что нам удалось найти или восстановить, оказались на английском языке.

– Британцы? Значит, они тут замешаны.

– Возможно. При этом встречаются пометки «Сделано в Китае», много непонятных аббревиатур и серийных номеров. Большинство из них не имеют смысла, но часть совпала по своей длине и цифрам в начале. 20-26, 20-27 и 20-28 – они встречаются очень часто, и мы думаем, что это номера партий. Учитывая совпадения, все эти товары начали произ-

водить примерно в одно и то же время, скорее всего, в одном и том же месте. Возможно, какой-то экспериментальный исследовательский институт. Что частично могло бы объяснить как сами странности, так и их количество.

– Две тысячи выпущенных товаров – это уже не штучное производство, но еще и не промышленные масштабы.

– Тем не менее, тенденция не очень приятная для нас. В Берлине сейчас ищут ученых, инженеров, химиков, что смогли бы понять эти технологии и помочь их освоить уже на наших заводах. Если получится, это даст Германии серьезное преимущество. Возможно, даже большее, чем их изобретателям: все-таки Россия никогда не славилась скоростью освоения чего-то нового.

– Если тут не замешаны британцы. Все-таки английский след, о котором вы говорили, меня настораживает.

– И с ним еще не все. Пилот, у которого были найдены эти предметы, при задержании говорил по-английски. Более того, когда мы попытались найти его след, то узнали, что его броне летчика было выпущено Английской королевской летной школой. Собственно, по нему мы и вышли на этого человека, позже подтвердив его появление как раз в интересующем нас районе.

– Это все?

– Последнее. Во время одного из вылетов этот человек выкрал у нас «Фоккер».

– Это был он? Принцесса Августа до сих пор под впечат-

лением от того налета, постоянно о нем говорит, отчего ситуацию все никак не получается замять, – Гинденбург бросил быстрый взгляд на побледневшего Вильберга. Как раз ему и приходилось на своей шее тащить основную часть этого позора.

– Наш человек передал детали летного задания, так что никаких сомнений. Но сейчас я говорю не о потере, а об оставленном им самим аэроплане. Доработанный французский «Ньюпор» с необычными дополнительными планками на переднем лонжероне.

– Русские называют их предкрылки, – поспешил добавить Вильберг. – И они на самом деле существенно помогают и в горизонтальных, и в вертикальных маневрах. Энтони Фоккер уже испытал их, и, скорее всего, в «Айндеккер 2» они будут стоять на каждом аэроплане.

– Значит, очередное изобретение русских.

– Но не последнее. Гауптманн Хаузер очень переживал из-за угнанного «Фоккера», поэтому приказал проверить все в новом самолете. И это принесло плоды. Обычно мы бы даже не подумали в этом направлении, но тут, проведя все возможные тесты, инженеры обратили внимание, что самолет подвергался термической обработке.

– Его поджигали?

– Без прямого огня, но точно держали рядом.

– Дерево и пламя. Возможно, просто случайность? Мало ли что могло загореться при русском подходе к порядку.

– Возможно... Но, учитывая успехи русских в химии, о которых после тех таблеток просто нельзя не думать, мы все-таки подозреваем, что здесь кроется еще какой-то секрет, который может помочь повысить летные качества наших аэропланов.

– Итого... – Гинденбург выждал немного, чтобы убедиться, что его гости на этот раз рассказали действительно все, что хотели. – Вы нашли несколько странных вещей, которые могут быть в перспективе полезны Германии. Там есть русский и английский следы: скорее всего, царская разработка, адаптированная для британцев... Китайский след из-за его нелепости, думаю, нет совершенно никакого смысла учитывать. Дальше: они хотели ее передать на остров, где как раз можно было бы быстро наладить массовое производство, но почему-то категорически не захотели привлекать флот. Возможно, не доверяют русскому адмиралу Григоровичу, но... Я бы скорее предположил, что тут дело в лорде Балфуре. После того, как он в мае сменил Черчилля, в Адмиралтействе многое поменялось. И не всем это нравится.

– Мы склоняемся к похожей версии, – Николаи вежливо склонил голову. – Однако информации все же пока мало, чтобы о чем-то говорить наверняка. Поэтому я и прибыл, чтобы вы и отдельно ваши летчики, – он кивнул Вильбергу, – были в курсе и, понимая важность ситуации, обращали отдельное внимание на появление новых русских технологий. А также на попытки переправить их через линию фронта.

Гинденбург не стал спорить и просто кивнул.

На самом деле он не считал, что эта ситуация его так уж касается – ну не успеют, даже придумав что-то важное, ни англичане, ни тем более русские применить это в ближайшие годы. Один, два, десять, даже сотня экспериментальных образцов – не в счет. Не при том количестве сил, что сейчас задействованы с каждой стороны. А там и война кончится, новая же – это будет уже совсем не его дело. Гинденбург не собирался скромничать, оценивая свои успехи, и рассчитывал, что уже скоро сможет перебраться из генеральского кресла минимум в министерское.

А то, что разведка по собственной инициативе заглянула к нему поделиться ценной информацией, только подтверждало рост его влияния. Как в армии, так и в Германии в целом.

Глава 5

Щупаю железки, получаю удовольствие. Наверно, это зашифровано самой природой где-то в мужском геноме: ценить красоту того, что может отнимать жизни. И в новых пулеметах, несмотря на более скромные размеры, чувствовалась эта сила.

– Это пулемет Лююиса, – прапорщик, словно пытаясь сгладить ситуацию с «Максимами», решил составить нам компанию. – Изначально создавался для пехоты. Была идея, что с малым весом его удобнее будет использовать не только как оружие защиты, но и для штурма вражеских позиций, однако... Воздушного охлаждения вечно не хватало, и патроны клинило. Самих патронов тоже немного: есть барабаны на 47 или 97 патронов, устанавливаются вот здесь, сверху.

– То есть нам скинули ненужное оружие? – нахмурился Божич.

– А вы говорили, что не разбираетесь в пулеметах? – я же улыбнулся.

Прапорщик забежал глазами из стороны в сторону, а потом нашел выход из ситуации, решив просто ответить на более удобный для него вопрос.

– Для пехоты такой пулемет оказался неудачным. Слишком тяжелый, слишком ненадежный, вечно с не вовремя заканчивающимися патронами, но... Есть мнение, что на са-

молете все это превращается в плюсы. Вес двадцать шесть с половиной фунтов или двенадцать, если считать в килограммах, в два с половиной раза меньше «Максима». Воздушное охлаждение, которое было проблемой на земле, в воздухе на скорости становится преимуществом. Небольшие барабаны – меньше парусность, меньше нарушения работы элеронов.

– А вы, кажется, разбираетесь в самолетах?

– Грешен, – прапорщик искренне улыбнулся. – Есть мечта однажды собрать свой аэроплан, а то и что-то большее. Вот, стараюсь читать на тему, собираю деньги, но возможностей пока не хватает.

Вот тебе и ворюга с принципами. Лучше я к нему относиться, впрочем, не стал – не знаю, какой самолет он в итоге соберет или соберет ли вообще, но вот оружия какие-то солдаты не досчитаются уже сейчас. А им жизнью рисковать... Впрочем, ситуацию рассказ прапорщика сгладил, и мы познакомились уже нормально. Представились мы с Божичем, прапорщик тоже назвал свою фамилию. Юрьев. Я на всякий случай напряг мозги, но никаких Юрьевых из будущего так и не вспомнил.

– А про второй пулемет что скажете? – Божич кивнул на двенадцатый ящик, где лежала машинка покрупнее.

– «Виккерс», тридцать три фунта, на двадцать процентов тяжелее «Льюиса», – тут же начал прапорщик. – Но это без учета водяного охлаждения. С полным баком можно накидывать еще процентов десять-пятнадцать.

– Много, – поджал губы Божич. – Еще и профиль выше.

– Зато, – поднял палец Юрьев, – на «Виккерс» идут ленты на двести пятьдесят патронов. Если «Льюис» выпустит малый барабан за пять секунд, то с этим малышом можно идти в настоящий серьезный бой. Еще и надежность! «Льюис», стоит его протащить по грязи, сразу можно выкидывать, а «Виккерс» – просто отряхни и стреляй.

– Иван Андреевич, – Божич повернулся ко мне с сияющим взглядом, – кажется, нам придется посоревноваться, кому достанется это чудо.

– Могу уступить, – я улыбнулся.

– Не верите мне? – поджал губы прапорщик. Кажется, он расстраивался меньше, даже когда раскрыли его обман с «Максимами».

– Верю, но... Видно, что вы разбираетесь в теории, но практического опыта не хватает. Возьмем, например, ненадежность «Льюиса». Вы говорите, он боится грязи, но много ли ее будет в небе? Или количество патронов... Да, чем больше, тем лучше, но какова цена? Даже разместив пулемет прямо над фюзеляжем, чтобы минимизировать вибрации...

– Не так много от него и вибраций. Да и сколько вы будете стрелять от всего времени полета?

– Вибрации будут весь полет. Вы же сами вначале упомянули его влияние на элероны, так проблема не только в этом. Пулемет над крылом смещает точку тяжести самолета, делает его менее устойчивым, рассекает потоки воздуха, еще

и перед хвостовыми рулями. По отдельности все это не так критично, но вместе... Минусы складываются, и недавно юркий самолет начинает походить на старика.

– Чем меньше, тем лучше? – задумался Божич.

– Лично мне кажется, что да, – ответил я. – А то, что патронов тоже будет сильно меньше, так со мной тут в 19-м и 20-м авиаотрядах делились опытом... И сколько бы мы тактики не обсуждали, сколько бы ни пробовали потом в тренировочных вылетах, окно выстрела с грамотным противником все равно получается не больше тех же самых пары секунд.

– То есть «Льюиса» хватит... – начал было Божич, но оборвал сам себя. – Подождите, Иван Андреевич, вас учили Казаков и Калашников? Всеми своими секретами делились?

– Всеми-всеми.

– А нам расскажете?

– Конечно, – я хитро улыбнулся.

Схема, которую я провернул в Вильно, когда выдал часть своих знаний за опыт другого авиаотряда, снова сработала. Вот и хорошо! Отставать от других тут не любят, так что глядишь, и все новые идеи быстрее пойдут в ход. Главное, чтобы немцы нас уж слишком не обогнали в техническом плане, и мы обязательно справимся!

Корона доплатила, и купе первого класса досталось ей одной. Четыре раза по 75 марок – двухмесячная зарплата рабочего в Берлине, но девушка ни капли не жалела. Деньги

были, она не терпела чужаков рядом с собой, а еще ей нужно было выплеснуть накопившуюся после Вильно ярость.

Она так никого и не сбила! Допустила гибель дирижабля, потеряла одного из новичков... Ужасно! А еще этой неудачей она подставила доверившихся ее мастерству Гинденбурга и Вильберга. Она не знала, что они точно задумали, но прекрасно знала слухи об их противостоянии с главой Полевого генерального штаба Фалькенхайном.

И вот она ошиблась, и тут же его приказом ее авиаотряд перебрасывают в Сербию. Формально – из-за погоды. На севере она портилась, а на юге самолеты пока могли так же летать каждый день, и Макензену точно не помешают опытные пилоты.

– Будем считать, тебе повезло, Старик! – Корона посмотрела на свое отражение в зеркале.

Под глазами синяки, глаза красные от недосыпа и обиды... Ей надоело быть слабой. Пока она ничего не чувствовала, было гораздо проще.

Немец лежал в палате всего на четыре человека, а из его окна было видно аж Казанский собор.

Он все-таки добрался до столицы, пусть и не совсем так, как планировал. Впрочем, у череды случайностей, чуть не стоившей ему жизни, оказались и свои плюсы. Спасенных из бандитского плена офицеров отправили в Петроград отдельным вагоном, тут поселили в лучших условиях, а внимание

властей предрежащих и прессы открывало возможности, которых в другом случае пришлось бы ждать месяцами.

А еще и он сам не подвел. Всего за несколько часов, что у него были в Вильно, Немец развернулся на полную. Собрал письменные впечатления о налете от раненых, гражданских, офицеров. Все эти бумаги уже были проданы столичным газетам, которые на волне всеобщего интереса были готовы платить за подробности любые деньги.

– Вы еще не знаете, что такое хайп, но это не значит, что его законы не работают, – Немец продолжал улыбаться.

Записи были самой простой и дешевой частью его добычи, которую он пустил в ход даже не столько ради денег, сколько чтобы привлечь к себе внимание. Дальше уже за серьезные суммы он собирался продать фотографии с последствиями налета и дирижаблем в небе. И главное, жемчужина его коллекции – пленка кинокамеры «Аэроскоп».

Чудесная новинка, которая позволила вынести запись видео из павильонов на улицы или даже поля сражений. Способ работы у нее был, конечно, еще тот. Крутишь ручку, накачиваешь воздух в баллоны, которые в свою очередь приводят в работу пневматический двигатель, равномерно протягивая пленку и создавая легкий гироскопический эффект, который стабилизирует изображение. Современное чудо.

Из минусов: пленка для таких камер была не очень чувствительной, и толк от нее обычно имелся только при ярком солнечном свете. Когда Немец нашел случайного кино-

мана-любителя, что догадался завести свою шарманку и направить в небо, он не рассчитывал на что-то приличное. В лучшем случае темнота, а потом белая вспышка, заполнившая весь кадр, но... Он действовал, и удача оказалась на стороне тех, кто не опускает руки.

Аристократ, получивший камеру в подарок и снимавший чуть ли не впервые в жизни, сработал совершенно непрофессионально. От волнения прямо перед взрывом он начал медленнее крутить ручку, скорость пленки замедлилась, однако именно из-за этого самые важные кадры собрали больше света и вышли гораздо четче, чем можно было ожидать. Еще и сам бой для записи получился удачный. Первая вспышка, которая подсветила тень дирижабля на фоне черного неба, потом расплзающееся белое пятно, но за ним прекрасно было видно силуэт «Цеппелина», и даже на взгляд человека из будущего это смотрелось впечатляюще.

– Девяносто метров дороги в будущее, – Немец постучал по стальному корпусу коробки, в которой хранилась его добыча.

Менять такое на деньги было бы преступлением. Или глупостью... Аристократ с камерой оказался глуп и легко согласился на стопку купюр, что Немец так удачно успел подхватить с мертвой старухи. Не самое приятное было дело, но парень собирался выжать из ситуации все, что только можно. И руки запачкать он при этом совершенно не боялся. Тем не менее, от неприятных воспоминаний Немец все-таки помор-

щился, но мысли о нужных слухах, что уже начали ходить по Петрограду, помогли ему успокоиться.

Что было, то было, а теперь ему нужно просто дожидаться и узнать, какая рыбка клюнет на эту приманку.

Еду домой, еду в Волковыск.

Когда ехал в Вильно, то ныл, что уж слишком долго это тянется. Каюсь, был неправ. Товарный состав, в который мы погрузились вместе с пулеметами, тащился в два раза медленнее. В итоге добраться до места получилось лишь 31 августа. Последний день лета 1915 года – как же на самом деле немного времени прошло с момента моего появления в этом мире. И как же много успело произойти!

На вокзале нас встретил хмурый Котик, лично проверил бумаги, а потом дал добро на пропуск грузовых машин, чтобы доставить нашу добычу на аэродром.

– А все-таки я считаю, что пулеметы на аэроплан – это баловство, – проводил он нас, недовольно качая головой. И как будто незаметно улыбаясь. К чему бы это?

Впрочем, меня сейчас больше интересовали не тайны, а люди, о которых я чем дальше, тем больше думал. Вот вроде бы в своих делах я даже восхищаюсь нашим жандармом, но в чем-то еще... Даже лучшие представители этого времени что-то не спешат меняться и шагать в ногу со временем. Я целых двадцать минут радовался тому, какой я умный, сообразительный и умелый. А потом на подъезде к аэродрому

увидел заходящий на посадку «Моран».

– А не слишком быстро он идет? – я не удержался и спросил у сидящего рядом Божича.

Сам-то я, привыкнув к предкрылкам, обычно сбрасывал скорость гораздо больше.

– Ветер сильный, – серб прищурился, тоже всматриваясь в полет.

В этот момент снизившийся «Моран» словно натолкнулся на встречный поток воздуха. Меня все это время судьба миловала от подобного, но тут я сразу вспомнил еще одну опасность, что ждет поверивших, будто познали небо, пилотов. Разная скорость ветра. На высоте она одна, у земли – другая. Ты идешь на посадку, ориентируясь на первую, а потом скорости, которой еще метром выше было достаточно, чтобы держаться в воздухе, начинает не хватать. Если этот момент еще и подловил самолет, когда тот задирает нос для посадки, считай, верная смерть. К счастью, пилот на «Моране» оказался опытным. Шел с запасом по скорости, а когда воздушные потоки у земли попытались его удивить, просто нырнул им навстречу.

– Хорошо, что не запаниковал, – выдохнул я. – Если бы задрал нос, пытаясь уйти на новый круг, то еще больше бы скорости потерял и...

Я не продолжил, и так все было понятно.

– Ничего, граф знает, что делает, – довольно хмыкнул Божич.

Я хотел было спросить, как он догадался, что это именно Орлов, но тут и сам разглядел на борту «Морана» черную розу. После пойманной пулеметной очереди от Ночной Ведьмы сначала Гусев, а потом и граф тоже решили добавить себе на борта рисунки. Почему Орлов выбрал именно розу, да еще и такого цвета, не знаю – хорошо, что не лилию – а вот Гусев намалевал себе молоток. Я, если честно, тогда решил, что он связался с социалистами, но объяснение оказалось проще. Бывший спортсмен, как выяснилось, очень любил мифы, что греческие, что скандинавские, и ассоциация с богом грома показалась ему удачной идеей.

Я-то сам тоже задумывался о каком-то рисунке на свой «Ньюпор», но сначала было как-то не до того, да и идеи в голову не приходили. А после я и вовсе лишился «Десятки»... К слову, о своих самолетах. Мы заехали с нашей добычей прямо к краю взлетной полосы. Я даже успел показать Орлову большой палец до того, как он выбрался из «Морана», а потом... Увидел его.

Ворота нового проклятого ангара были широко открыты, чтобы удобнее работать при солнечном свете. А через них было прекрасно видно силуэт незнакомого самолета и три ползающие по нему фигуры. Я не вылез, а выскочил из машины и со всех ног бросился вперед.

– Иван Андреевич, с возвращением, – первым меня встретил Лукьянов.

Почти сразу показали головы Маркова и, что удивитель-

но, Мамаева. Впрочем, я на них почти не смотрел: все мое внимание привлек мой новый самолет. Подарок от Котика и его департамента. Вот чего он так хитро улыбался при встрече: знал, что Эмилия уже привезла мою прелесть. Я мысленно попросил прощения за все плохое, что говорил, думал и делал в адрес жандарма, а потом прижал к самолету правую руку.

Теплый. «Бристоль МИК 1» то ли успел нагреться от последнего теплого летнего ветерка, то ли его сегодня уже заводили. Неважно, я просто думал, что он рад меня видеть. Если «Ньюпор» с двумя рядами крыльев и растяжками казался хрупким, то этот при одном только взгляде на алюминиевый обтекатель двигателя, наоборот, вызывал ассоциации со стрелой, готовой сорваться в полет. С ракетой, что поставит на колени земное притяжение и сделает то, что еще недавно казалось невозможным.

– Кажется, я придумал, какой сделаю себе рисунок, – тихо сказал я, продолжая гладить самолет. Свой самолет! – Как вам он?

Оторвавшись от своей прелести, я повернулся к улыбающимся технику и офицерам. Кто-то другой мог бы и пошутить над моими эмоциями, но эти прекрасно меня понимали. Еще бы, сами такие.

– Тут лонжероны из ясеня, – порадовался Лукьянов.

– На двигателе обтекатель, еще и растяжек нет – как же быстро он будет летать, – цокнул языком Марков.

– И вес! 480 килограммов! – Мамаев держал в руках небольшую брошюру, пришедшую вместе с самолетом. Кстати, я оценил, что он подхватил от меня переход на более современную систему мер.

– 480 – это пустой, – поправил летнаба Лукьянов. И ведь ни капли не постеснялся: поммех тоже от меня кое-чего набрался. – А взлетная масса получится уже около 700-750 килограммов, даже чуть больше, чем на том же «Ньюпоре», но... Летать он все равно будет быстрее.

– Что пишут? – заинтересовался я.

– Англичане уверяют, что разгоняли его до 185 километров в час, но нужно проверять.

Я хмыкнул: врут, наверно. Или в пикировании считали... Впрочем, «МИК» точно должен быть быстрее «Десятки» с ее 135 километрами. Все-таки одно крыло против двух дает определенные преимущества. Увы, будут и минусы.

– Что по маневренности?

– Кроме скорости англичане больше ничего не замеряли. Но если тут будет маневренность как у «Пули» Казакова, то выйдет радиус поворота процентов на тридцать больше, чем у «Ньюпора».

Я кивнул: как и ожидалось, не самая приятная новость. Но я сразу понимал, что под новый самолет нужно будет придумывать и новую тактику. Искать свои сильные стороны, свои маневры. Такова Первая Мировая: либо ты несешься вперед быстрее всех, либо... Тебя уже скоро сожрут.

– Что ж, тут точно есть с чем работать, – я радостно потер руки.

– Начнем прямо сейчас? – понял мой настрой Лукьянов.

– Конечно, – я широко улыбнулся. – Очень хочется про-
верить этого красавца в деле. Сначала как есть. Потом с до-
работками. И, наконец, с пулеметом!

Я выждал мгновение, давая всем осознать, что именно я
сказал.

– С пулеметом?! – восторженный рев был мне наградой.

Искандер Камилевич Мамаев сам себя не понимал.

Есаул Ткачев согласовал отправку всех летчиков-наблю-
дателей на переобучение под новые самолеты. Лично у него
после удачного полета с Крыловым даже появилась возмож-
ность выбора. Либо под Качу к Ефимову, либо в Гатчину к
Кованько. Последняя и вовсе была мечтой уже столько лет, а
он в итоге... Просто взял и написал прошение о разрешении
пройти переподготовку прямо в отряде.

Такая глупость! Такой удар по будущей карьере, но в те
мгновения его разум словно затуманился. И в Волковиск он
возвращался, мысленно размазывая себя в лепешку за столь
невероятную наивность. Если бы тогда у него появилась хоть
малейшая возможность отыграть назад, он бы непременно
ей воспользовался, но... В армии так не принято: был приказ
– делай, сказал что-то – делай, начал делать – тоже делай.
Иногда из этого выходили такие глупости, что рассказывать

стыдно, но иногда только подобная упертость и позволяла превратить случайные порывы в поступки.

Мамаев поборол приступы меланхолии и «аглицкого» сплина, которые так и тянули его присоединиться к одной из офицерских компаний, столь весело проводящих вечера. Ему были бы везде рады, но вместо этого он пошел на взлетную полосу. Просто так, без всякой задней мысли, а потом, словно мотылек, свернул к единственному залитому светом даже вечером четырнадцатому ангару.

Именно так бывший летчик-наблюдатель и попал в компанию знакомых Крылова. Поммех Лукьянов сначала смутился, а вот корнет Марков, как будто бы что-то вспомнив, сразу спросил в лоб: пришел он сюда работать или отвлекать их. Нагло, неуважительно, но Мамаев, словно поймав волну, взял и кивнул. Непонятно, на какой из двух вариантов, но его поняли, выдали пилу и определили фронт работ.

Как оказалось, эта парочка пыталась воплотить в дереве какую-то неожиданную задумку Крылова. Лонжерон-короб! Удивительная идея, но что-то в ней точно было. Мамаев с радостью нырнул в изучение нового, добавив в общий котел пару свежих формул, что ему удалось найти в прихваченных еще из университета конспектов. Они считали, они пилили, они собирали... Потом проводили испытания, и результаты становились чем дальше, тем лучше.

А потом им привезли новый аэроплан Крылова, и пришлось начинать все сначала, пересчитывая все сделанное

раньше под новую форму моноплана... Впрочем, уже зная, что к чему, они справились всего за ночь, и когда на следующий день к ним приехал сам хозяин «Бристоля», то Мамаев уже не мог дожидаться, чтобы рассказать, сколько всего они успели довести до ума. Про полеты Крылова в Вильно столько слухов ходило, но и им будет чем похвастаться и удивить.

Разговор про пулеметы на какое-то время выбил Мамаева из колеи, но он взял себя в руки и все-таки подвел Крылова к собранному ими лонжерону.

– Короб? – тот сначала не понял, но уже через мгновение его глаза расширились. – Лонжерон-короб! Вы его все-таки собрали? Тесты проводили?

– Конечно! – Мамаев был очень горд. – Взяли размеры сначала «Ньюпора», потом «Бристоля», добавили формулу изгиба, что используют при расчетах мостов, заложили двойные перегрузки и провели статичные испытания.

Они успели больше, чем кто-либо мог сделать на их месте. Они не просто тыкались, перебирая варианты, они думали и создавали новые правила новой авиации. Но чертов Крылов в ответ на настоящее чудо сказал только два слова.

– И все?

Два самых обидных слова.

Глава 6

День приятных сюрпризов.

Возвращение, пулеметы, самолет... А тут еще мои старые товарищи довели до ума новый тип лонжерона. Ну, как они думали, довели. Мамаев так восторженно рассказывал об их творении, что я на самом деле ожидал чего-то невероятного и не удержался. Не стоило так разбивать чужие мечты, ну да... Иногда это тоже полезно. Главное, не останавливаться на разрушении, а вместе во всем разобраться с начала и до самого конца.

– Друзья, – я не сразу нашел, как правильно ко всем обратиться, но потом понял, что лучше этого слова просто нет. И я на самом деле мог его сказать. – Друзья, прошу прощения, если обидел, но, разрешите, я объясню, почему считаю, что в новом лонжероне нужно учитывать нечто большее, чем просто изгиб и перегрузку.

– Конечно! – корнет Марков сверкнул глазами, предчувствуя что-то интересное.

– Тогда начну с самого начала, с нагрузки, что будут испытывать крыло и самолет. Вы заложили временные перегрузки во время пикирования и маневров, два же – это хорошо. Вы также учли постоянную нагрузку в виде подъемной силы, которая будет брать крыло на излом. Тоже хорошо. Вот только разве это все? Например, почему перегрузка только

двойная? Или почему вектор подъемной силы вы рассматривали только в виде излома? Разве во время маневров он не будет менять направление, соответственно меняя и тип воздействия на крыло?

Троица самопровозглашенных инженеров задумчиво переглянулась.

– Перегрузку взяли двойную, потому что все так считают, – Лукьянов выбрал из всех заданных мной вопросов тот, на который знал ответ. – Можно меньше?

А вот этим предположением он сумел меня удивить.

– Подскажу, – я ему даже одобрительно кивнул. Мол, неверно, но широта мысли впечатляет. – Если у нас появится более крепкое крыло, то мы сможем позволить себе более резкие маневры. А вместе с пулеметом мы просто обязаны будем их использовать.

– Значит, нагрузки будут только больше. Тогда берем вес самолета и умножаем его не на два, а на четыре.

– Если будет возможно, я бы еще и над запасом подумал, – честно признался я. – Но тут как пойдет, для начала хотя бы помнить, что нам это важно, и уже дело. Дальше: как, кроме изгиба, поток воздуха и подъемная сила могут воздействовать на крыло?

– Крутящий момент, – Лукьянов вспомнил, с чего началась наша работа с предкрылками. – Я почему-то решил, что короб по умолчанию решит эту проблему, но лучше ведь посчитать. Еще же и пулемет добавится, а это дополнительная

нагрузка. Причем с другой стороны.

– Хорошо. И еще?

– Есть кручение, есть упругость... – задумался Мамаев. – Нужно еще учесть сдвиг. Возможно, пучение стенок из фанеры.

– Прекрасно.

– А еще... Я только сейчас понял, – встрепнулся Лукьянов. – Если мы сделаем слишком жесткий лонжерон, то поменяется вся упругость крыла. Раньше благодаря его мягкости часть колебаний просто гасилась, а теперь они будут идти по всему аэроплану.

Я задумался – сам ведь об этом недавно размышлял, правда, с точки зрения вибрации от пулемета. Это ведь только показаться может: мол, трясется немного самолет, и ладно. Но нет... В моей истории, когда весь мир в двадцатые годы переходил на жесткие модели самолетов, сколько было аварий из-за того, что такие вот вибрации входили в резонанс, и крылья просто не выдерживали! Сколько людей умерло, пока наука смогла найти эту ошибку, понять и наконец-то исправить.

– Согласен, – я показал поммеху большой палец.

– Еще нужно будет пересчитать центр тяжести, – встрепнулся корнет Марков, не желая отставать от старших товарищей. – Его еще предкрылки нарушали, но не сильно, пулемет добавит – тоже вроде мелочь, но это дополнительная масса в носу аэроплана, рост инерции. Потом новый лонжерон, и

как бы весь самолет не потерял управляемость.

– Очень хорошо, – я не удержался, и корнету достались сразу два пальца.

– Тогда... – Мамаев погрузился. – Нам над новым лонжероном еще работать и работать.

– И это нормально, – утешил я его. – Вы же не собирались устроить промышленную революцию в отдельном авиаотряде всего за пару дней. Продолжим считать, пробовать, а там... Мне еще один самолет обещали отдельно от нашей разведки, так его и приспособим именно для испытательных полетов.

В голове крутилась какая-то важная мысль. Что-то еще критичное я упустил, не учел, но... Поймать ее так и не получилось. А тут Марков напомнил о пулемете, который в отличие от всего остального мы могли испытать прямо сейчас, и все сомнения были разом забыты.

– Сначала обычный вылет, – напомнил я.

– Но, может... – три щенячьих взгляда уставились на меня.

– Не может, – самому очень хочется, но... – Вы представьте, нам же, чтобы пулемет поставить нормально, нужно будет оценить, как он влияет на управляемость самолета. А как это сделать, если не знать, как тот летает без него?

– Только быстро тогда, – взял с меня слово Мамаев.

Да я и сам не собирался задерживаться. Завели самолет, прогрели... Сразу стал заметен очевидный плюс: у «МИКа» мотор в кожухе, так что плевки маслом на этот раз до меня не долетали. Взлет. Мышцы на руках напряглись, ловя рав-

новесие. Если бы до этого не летал на «Фоккере» и «Моране-Пуле», можно было бы и понервничать. Все-таки самолет с одним крылом гораздо неустойчивее: другой центр тяжести, а еще на взлете ему как будто еле-еле хватает подъемной силы.

Понимая, что это прежде всего тренировочный вылет, я даже обошелся без крика. Просто проверил, как все работает. Набор высоты – чуть медленнее «Ньюпора». Боковые развороты: радиус больше, чем у «Десятки», но меньше, чем у «Фоккера». Все как в памятке. Элероны рулят. Горизонтальная скорость – машина летела на уровне немецкого самолета. А вот тут не хватает: я же говорил, приврали англичане. Пикирование? Я разогнал «МИК» сначала под углом тридцать градусов – нормально, потом сорок пять – тоже ничего, хотя крылья и начало ощутимо потряхивать.

Хотел проверить шестьдесят градусов, хотя бы сотню метров вниз, но, к счастью, вовремя вспомнил про резонанс. Его ведь можно словить и без всяких кустарных доработок. Кажется, что самолет раз выдержал скорость и угол, второй, начинаешь верить, будто так будет всегда, а потом ловишь его. Поток воздуха закручивает крыло, меняется угол атаки, меняется подъемная сила, крыло изгибается... И цикл начинается сначала, уже с большей силой.

– Ну как? – на земле меня уже ждали наши.

Я рассказал им про ощущения, сравнил самолет с будущими противниками в небе и дал ему самое честное описа-

ние.

– Нормальная рабочая лошадка. Ничего невероятного, но как самолет она работает, а уж как ее довести до ума – это уже наша задача.

– Как довести ИХ до ума, – заметил Мамаев, напоминая, что теперь с моими доработками будут летать еще как минимум он и Марков.

Что ж, тем больше причин сделать свое дело хорошо. Я сбегал к оружейному складу, где как раз приняли привезенные пулеметы, и получил свой «Льюис». Лукьянов уже укатил «МИК» обратно в ангар и принялся готовить деревяшки и прочие мелочи для его установки. Марков погрузился в расчеты места для упоров, чтобы нагрузка и вибрации шли поближе к центру тяжести самолета. Ну, а Мамаев сначала, как и я, убежал, а потом неожиданно притащил свой старый летный шлем. Я не сразу понял, что тот задумал, но летнаб быстро распустил его на полосы и передал их Лукьянову, чтобы тот использовал их в качестве прокладок и упоров для гашения вибрации.

Все, что мы обсуждали, говоря о работе над лонжероном в будущем, пошло в работу прямо сейчас. Иронично, но очень приятно.

– Подождите! – воскликнул я, осознав, как мы все ошиблись.

– Что?

– Я только сейчас понял, что все это время представлял

себе пулемет над верхним крылом, как на «Десятке», но на «МИКе» нам придется ставить его прямо на фюзеляж. Выше же ничего нет.

— И что такого? — отмахнулся Лукьянов. — Добавим стойки, чтобы стрелял выше винта. В таком случае до него даже проще добраться будет. Для перезарядки или если заклинит.

— Центр тяжести вперед уедет даже без новых лонжеронов, — напомнил я. — После такого самолет постоянно носом клевать станет. И тут надо будет либо место пилота подвинуть назад, чтобы уравновесить, либо крылья вперед. Ну, или груз сзади, но так бесполезно тратить грузоподъемность точно бы не хотелось.

Мелькнула мысль, что можно будет еще поиграть с углом наклона крыла, но... Проверить его работу в отличие от баланальной центровки на земле уже не получится. В общем, вместо пары часов установка пулемета затянулась почти на три дня.

Три чертовых дня мы считали, пилили. Потом я, отрабатывая движения при стрельбе из пулемета, вспомнил про лафет Фостера, и к работе с деревом добавился металл. Снова пришлось пересчитывать центровку, снова все разбирать, собирать, но... Когда 4 сентября в авиаотряд пришел приказ о новом срочном вылете, я был уже готов.

Божич жалел, что слишком уж много всего наговорил Крылову во время их поездки из Вильно. Ну и зачем тому

было знать, как он переживал и что думал о смерти других пилотов-спортсменов? Тем более те дела уже давно остались в прошлом. Война показала, что без неба никак, и теперь на летчиках не экономят. Вон им даже пулеметы прислали почти по первому требованию.

Увы, после первого же вылета Божич чуть не отодрал эту машинку смерти от своего аэроплана и матом наорал на поставивших ее техников. Надо же было так постараться, чтобы не рассчитать и закрепить ее на несколько сантиметров левее центра «Морана». В итоге при взлете это оказалось даже удобно, а вот при посадке... Аэроплан клюнул носом раза в два резче, чем обычно, и окажись на месте Божича кто-то менее опытный, точно бы разбился.

Так вот Крылов, который в это время мучился на взлетной со своим однокрылым самолетом, все это увидел и предложил помочь. Его механик и место посадки пулемета рассчитал, и упоры поставил, и даже кожу под крепления подложил. Новый вылет, и к Божичу словно вернулся его старый добрый «Моран»: чувствовалась небольшая задержка при наборе скорости и при поворотах, но по сравнению с тем, что его чуть не убило, небо и земля.

Он тогда поблагодарил Крылова, а тот заявил, что они еще не закончили. Так к уже установленным деталям добавились крепления для спускового шнура, чтобы тот не потерялся во время маневров. Зеркала, чтобы враг не подкрался сзади. А еще прицел. Очень простой: никаких увеличительных стекол

или разметок, как у артиллерии, всего-то стальной кружок, закрепленный под небольшим углом.

Подобные же системы поставили себе Марков и прикрепленный к их авиаотряду для переобучения Мамаев. Последнего на боевые вылеты еще никто бы не разрешил брать, но Лукьянов постоянно ставил его на облеты после той или иной доработки, и... Серб мысленно признавал, что недавний летнаб существенно прибавил в умении держаться в небе.

А вот кто совершенно не менялся, так это Крылов. Со стороны казалось, что его манера летать была все той же, что и в первые дни в Волковыске. В отличие от его аэроплана... Крылов добавил на него свои фирменные предкрылки, подвинул вперед целое крыло, совершенно не стесняясь улучшать заводскую конструкцию, а для пулемета установил какую-то стальную дугу. С одной стороны, понятно: ему нужно было как-то задирать тот выше винта. С другой, почему бы не использовать более надежную треногу?

Впрочем, так Божич думал только пока не увидел, как на эту дугу крепят «Льюис». Словно на рельсы. В обычном положении он внизу: в этот момент на нем можно или барабан с патронами поменять, или что-то еще сделать. А придет время боя – снимаешь стопор, поднимаешь пулемет специальным рычагом, снова закрепляешь. И вот он уже в боевой позиции.

В теории очень удобно, на практике... Сегодня они выле-

тают и наконец-то смогут узнать, чего стоила вся эта суэта последних дней.

Лечу и злюсь.

Немного на себя, немного на Орлова. На себя – потому что не сразу вспомнил, как хотел поделиться с нашим авиаотрядом передовым опытом из Вильно. На Орлова – потому что, когда вспомнил, он от моего предложения просто отмахнулся. Мол, что ему чужие идеи, когда у него теперь пулемет есть. Вот прав был Ткачев, когда говорил, что вооружение самолетов принесет проблемы. Мозги от пулеметов у многих поплыли.

Тот же Божич приказал поставить свой пулемет помощнику механика, только-только приехавшему с учебы. Естественно, тот всего не учел, и серб чуть не навернулся. Себя он при этом виноватым совершенно не считал, и мне пришлось постараться, чтобы никто не пострадал. Ни недавний студент, который только на следующий день понял, что натворил, ни серб, ни остальные пилоты.

В общем, пулеметы всем поставили по уму, добавили зеркала – хотя бы с ними никто не спорил. Возможно, увидев пользу, народ уже скоро согласится и на мои лафеты Фостера для перезарядки. Но вот идею детально просчитать и прописать маршруты сразу же приговорили лишней тратой времени. Работу в парах – тоже в топку. Тут, впрочем, хотя бы была не наша вина. Это уже из ставки: сначала несколько

дней молчали, а потом срочно потребовали проверить сразу шесть направлений, что с учетом количества пилотов давало не так много вариантов.

Я сверился с часами. Время полета – час десять, высота около тысячи метров. Направление – север. Да, с учетом линии фронта, теперь мы летаем не на запад, а туда. Как и в моей истории, немцы начали давить в сторону Вильно, но Радкевич, собрав все доступные ему силы 10-й армии в единый кулак, пока уверенно защищается. Кажется, он даже должен пойти в контратаку, но... Свенцянский прорыв снова заставит нас отступать. И самое обидное: название помню, даже город этот нашел на карте, а вот когда и как именно враг будет туда пробиваться – уже нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.